

Солянка –
Галя, у нас отмена

«Литнет»

2026

– С.

Галя, у нас отмена / С. – — «Литнет», 2026

Даже если вам немного за тридцать, то надежд нет...Галина переживает неудачный развод и крах своей карьеры. Как водится несчастной женщине, она завела трех котов, чтобы дарить им нерастрченную ласку и любовь. Чтобы немного забыться, она погружается в мир дорам с восточными красавцами и дворцовыми интригами. Внезапно судьба играет с ней шутку. Галина попадает в мир последнего, просмотренного сериала. Она знает, что героиня слабая и тихая, что ее ждет смерть. Галя не хочет возвращаться в свое уныние, а потому начинает все менять. План был простой: не лезть в интриги, отменить свадьбу и спокойно дожить до старости. В итоге она:— поругалась с наследным принцем — открыла таверну — случайно спасла ему жизнь — и, кажется... влипла ещё сильнее

© – С., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Галя	5
Глава 2. Галя	9
Глава 3. Галя	21
Глава 4. Галя	35
Глава 5. Галя	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Глава 1. Галя

— Галя, у нас отмена! — закричала кассир Лена.

— Слышала? — хрюкнул какой-то дородный мужчина, обращаясь к своей спутнице. — Галя? У них отмена?

— Сереж, замолчи, нас продавцы услышат, — скривилась женщина.

Ну хоть кто-то соблюдает хотя бы внешние рамки приличий. Что, они думают, меня не бесит эта фразочка? Я уже миллион шуток услышала про свое имя и про отмену, но каждый посетитель нашего магазина буквально мечтал поупражняться в остроумии.

Еле-еле дождалась конца смены.

Последний покупатель, пахнувший дешевым табаком, наконец-то, с третьей попытки, сумел достать из кошелька скидочную карту.

— Пакет нужен? — посмотрела я на посетителя, а тот мотнул головой. — Тогда с наступающим.

— Спасибо, вам того же, — буркнул он, складывая покупки в холщовую сумку, а потом поплелся к выходу, оставляя за собой влажные следы на только что вымытом полу.

"Вам того же". Какое емкое пожелание. Судя по его виду, его год тоже не удался. Жена запилила, бедолага устал и мечтает сесть за компьютер, чтобы выиграть у кого-то баттл в танках. Нет, спасибо, мне того же не надо. По фактам, я могу желать всем "того же", но это прозвучит, как проклятие.

Я облокотилась на стойку кассы, позволив спине на мгновение расслабиться.

— Галя, че такая помятая? Опять под "Судьбу Золушки" винишко тянула? — раздался сбоку едкий, но беззлобный голос. Лена, сменив место у кассы, переставляла упаковки с молоком.

— Не Золушку, — буркнула я, отрываясь от стойки и начиная пробивать чек для ниоткуда взявшейся девочки с йогуртом. — Там воительницу в конце убили. "Судьба воительницы" называется.

— А, ну да, — Лена фыркнула. — Тебе бы полегче что-то выбирать. Про любовь. Чтобы принц на белом мерседесе.

"У меня уже был принц на белой иномарке, — горько подумала я. — Уговорил продать ресторан, уговорил переехать. Москва, Галь, все по-взрослому, свое дело. А я, дура, поверила. А дело оказалось в его новом галстуке и молоденькой бухгалтерше с губками бантиком".

Голос в голове звучал громко и ядовито, но наружу вырвалось лишь короткое:

— Надоели они мне, эти принцы.

Девочка с йогуртом испуганно на меня посмотрела, схватила чек и убежала. Великолепно. Теперь я еще и пугаю детей.

— Тебя просто колбасит от этой всей восточной тоски, — философски заключила Лена, хлопая холодильником. — И от мужиков. Ты на диету сядь, Володьку из овощного отдела на кино позови. Он на тебя пялится, кажется.

Я машинально потянулась к пряди волос, выбившейся из собранного хвоста. Корни уже отросли на палец, платиново-белый цвет, в который я так отчаянно красилась после того, как муж ушел, теперь выглядел грязно-желтым пятном на фоне темной седины.

"Сядь на диету".

Легко сказать. Когда приходишь домой в девять, а вставать в шесть, единственная радость — это открыть контейнер с оливье, который сама же и сделала в единственный выходной, налить бокал того самого "винишка", обложиться подушками и на полтора часа полностью исчезнуть. В мир, где хоть и топорно, но красиво: шелковые платья, дворцы, интриги, которые

решаются не унижительными расписками у юриста, а изящным ядом в чашечке или поединком на мечах. И да, там тоже предают. Но там это хотя бы выглядело эффектно, а не как передача ключей от съемной однушки и смс "Забери свои горшки с фикусами".

— Володька, — с презрением выдохнула я, — и после этого ты называешь себя моей подругой?

— Подруги у тебя твои коты, а я коллега, — рассмеялась она, поправив кокетливо волосы.

Я позволила себе улыбнуться уголком губ. Вот этим мы и жили — тухлым сарказмом и взаимным подкалыванием.

Мое отражение в темном стекле холодильника с газировкой было безжалостным. Круглое, когда-то румяное, а теперь просто одутловатое лицо. Мешки под глазами, в которые, кажется, можно сложить всю невыплаканную злость последних двух лет. Губы, поджатые в тонкую ниточку, чтобы не дрожали.

Раньше, за стойкой своего ресторанчика, я носила строгие, но элегантные блузы. Знала, что у меня прямой и уверенный взгляд. Я знала, что мои руки могут превратить простые продукты в маленькое чудо, от которого люди закатывают глаза от наслаждения. Что выбрав вместо высшего образования кулинарный техникум, а я не проиграла, а обрела.

Я умела хорошо готовить, умела руководить командой, но кому сейчас это нужно?

Сейчас мои руки знали только вес сканера, шурувание пакетов и липкость протекшей упаковки творога.

— Ладно, красotka, — Лена хлопнула меня по плечу, прерывая мой взгляд в бездну собственного отражения. — Кончай киснуть. Десять минут до конца смены. Беги, знаю же, что торопишься.

Это было "я тебя люблю" на нашем языке. Я кивнула, скинула ненавистный халат и повесила его в железный шкафчик, где он ждал меня, как тюремная роба, до следующего утра.

Дорога домой была ритуалом очищения. Я вдыхала холодный, промозглый воздух, пытаясь выветрить из ноздрей запах дешевого колбасного отдела и хлорки.

Хоть дома меня ждало настоящее спасение. Тройной удар по ногам, нетерпеливое, требовательное мурчание.

— Потерпите, — пробормотала я, раздеваясь и попутно пробираясь в крохотную кухню. — Мамаша сейчас всех накормит.

Лариса, моя серая разбойница, терлась о щиколотки, в ее зеленых глазах читался немой укор: "Где была так долго? Мы голодали". Рыжик, вечный подросток, уже вскарабкался на стул и воровато заглядывал в пакет. А Тимофей, увалень и философ, встретил меня сонным взглядом с подоконника, лениво виляя кончиком пушистого хвоста.

Вот они — моя настоящая семья. Не предавшая, не сбежавшая. Требовательная, наглая, вечно голодная, но бесконечно честная в своей любви. Да, после развода я завела трех котов, чтобы чем-то заполнить пустоту. Сделала все, чтобы на меня смотрели, как на сумасшедшую, но мне, поразительно, с котами оказалось лучше, чем с вечно недовольным, предающим мужем.

Накормив питомцев, скинув тесные ботинки, я заползла на диван с бокалом винишка, за которое меня так клеймили, тарелкой с жаркое и ноутбуком.

Еще одна серия. Всего одна. Чтобы забыться. Чтобы посмотреть, как принцессу в шелках унижают, а она молчит, как ее предают, а она прощает. И ненавидеть ее за эту слабость, и понимать ее, эту дуру, всем своим существом. Потому что иногда кажется, что только так — молча, терпеливо, "благородно" и можно выжить в этом дурацком мире. Ну и тем более серии близятся к финалу. Я, что, зря мучилась, выжидая окончания дорамы?

Я сделала глоток вина, потянулась к пушистому боку Тимофея, пристроившегося рядом, и нажала "play". Начались заставные титры с павлинами и лютнями. Еще один побег из реальности начинался.

Вино делало свое дело: тяжелая, теплая волна растекалась от желудка к кончикам пальцев, притупляя все ощущения. Я уткнулась макушкой в пушистый бок Тимофея, который, как плюшевая грелка, урчал у меня над головой, устроившись на подголовнике дивана. Лариса села калачиком на груди, ее мелкая вибрация отзывалась где-то под ребрами. Рыжик, как всегда, занял стратегическую позицию у ног, время от времени дергая во сне кончиком хвоста.

На экранеплыли знакомые кадры. "Судьба Алого Лотоса", или как там эту слезогонку звали? Я уже не помнила названия, только сюжет, выученный наизусть.

— Смотрите, полюбуйтесь, — пробормотала я, зачерпывая ложкой оливье. — Встречают ее, дурочку, как королевну. А в глазах у всех: "Шпионка, потаскуха, на кол ее".

На экране принцесса Гао Лань выходила из паланкина, опустив глаза. Камера любила актрису. Первые планы с ней всегда были сногшибательными. Лицо — идеальное, фарфоровое, с выражением кроткого страдания. Ее окружала свита: служанка-мышка и пара евнухов с лицами, как у заспанных черепах.

— Евнухи-то, евнухи, — я качнула головой в сторону Рыжика и Тимофея. — Вам бы такую работу — целый день стоять и зевать. Мечта. А хотя... вы же такие же.

Тимофей, как будто поняв, издал долгий, ленивый звук, похожий на "ммрраааа". Лариса же, не отрывая зеленых глаз от экрана, вдруг мягко ткнула меня лапкой в подбородок, будто говоря: "Не отвлекай, интересно".

Они всегда смотрели драмы со мной. Не так, как обычные котики на движущиеся пятна. А именно смотрели. Лариса особенно. Когда на экране появлялся коварный канцлер с лицом, как у высохшей груши, ее уши прижимались к голове, и она тихо шипела. А в сценах, где главная наложница, вся в шелках и яде, сладко улыбалась, Рыжик ворчал, будто чувял недоброе.

— Вам-то что? — удивленно спросила я вслух, глядя Ларису между ушей. — Тоже замерли на сериальчике? Рейтинг вам наш зрительский не нравится?

Сериал, кстати, сильно ругали. Он вышел давно, добрался до нашей страны, но и китайские, и российские критики относили к нему безжалостно.

На экране уже был принц. Суань Лин. Высокий, как кипарис, мужественный, но холодный, как январский ветер в лицо. Его черные глаза смотрели на принцессу не взглядом мужчины на женщину, а взглядом следователя на улику. И она, дура, потупилась, залепетала что-то про мир и благоразумие.

— Да заткнись ты уже, — не выдержала я, шлепнув ладонью по дивану. Все три кота вздрогнули. — Смотри! У него же на лбу написано: "Я идиот, меня водят за нос тетка в парике и старик с бородой!" Объясни ему. Ткни его носом в эти их паскудные интриги! А она... "О, мой принц, я так надеялась..." Терпила. Настоящая терпила. Ее не девушкой звать, а ковриком для вытирания ног.

Мне стало жарко от возмущения. Я отпила вина, чувствуя, как кисло-сладкий вкус смешивается с горечью на языке. Не от вкуса, а от собственного бессилия. Я ругаю сюжет, но сама оказалась в ужасной ситуации. Муж меня обвел вокруг пальца, сбежал с деньгами, а судопроизводство едва ли двигается с места. Чем я лучше дурочки Гао Лань? Ну, готовить умею. В остальном я была еще глупее.

Сюжет катился по накатанной колее. Принцессу унижали при дворе. Подкидывали ей улики. А она молчала, проливая красивые слезы размером с виноградины. Принц в это время хмурил брови и произносил пафосные речи о долге и мести.

— И кому ты мстишь-то, дубина? — я обратилась уже к нему, к пиксельному принцу на экране. — Брата твоего подставили. Подстроили все. Убили. А ты вместо того, чтобы головой работать, на девчонку рычишь. Хорошего пинка тебе под царственный зад не хватает. И ей... ей бы нашкодить. Хотя бы раз. Не мычать, а дать сдачи. Хотя бы словом.

Усталость накатывала теплой пеленой. Бокал стал невесомым в руке. Я поставила его на пол, уткнулась лицом в шелковистую шерсть Ларисы. Она мурлыкала, и это мурлыканье начинало звучать в такт заунывной флейте из саундтрека.

На экране началась кульминация. Темнота, заговорщики, яд в кубке. Принцесса, уже простившаяся с жизнью, смотрела на принца глазами, полными любви и боли. А он, слепец, понимал все только сейчас, когда она, кашляя кровью, сползала на паркетный пол дворца.

— Отвратительный финал, — поморщилась я. — Ну почему в дорамах так любят излишне драматизировать?

Я почти сорок серий ждала счастливого финала, даже заранее искала отзывы критиков, но это была новинка. Ах, повелась. В общем, конец был печальным, что меня, конечно, расстроило. В целом интрига в сериале была сильной.

Но дальше я рассуждать перестала. Завтра у меня выходной, можно и новую дораму себе поискать, но глаза слипались. Последнее, что я увидела перед тем, как сознание потонуло в теплой, густой темноте, был не экран. Это были глаза Ларисы.

Она оторвалась от телевизора и смотрела прямо на меня. Ее зеленые, вертикальные зрачки в полумраке комнаты светились странным, почти осмысленным светом. Не кошачьим любопытством. А чем-то другим.

И я почувствовала, вернее, мне уже почудилось сквозь сон, как Тимофей тяжелым, теплым боком прижался ко мне еще сильнее. И как Рыжик у ног перестал дергать хвостом и замер, настороженно и тихо.

Звук, долетевший до меня из реальности, был не сочный хлопок закрытия ноутбука (я его так и не закрыла). Это было тихое, тройное, почти синхронное мурлыканье. Оно обволакивало, как колыбельная. И в нем, в этом странном хоре, мне почудилось что-то похожее на... согласие.

Я окончательно провалилась в сон. Но это был не обычный сон, а какое-то чувство падения. Будто диван ушел из-под спины, а теплые, пушистые бока котов растворились в пустоте. В ушах еще звенела мелодраматичная музыка из дорамы, но она смешалась с нарастающим гулом, похожим на ветер в гигантской трубе.

И где-то в самой глубине этого падения, уже на грани полного небытия, я поймала обрывок мысли — последнюю искру своего сарказма, затмеваемого нарастающим ужасом незнакомого пробуждения:

"Вот бы самой попасть в дораму".

И мир схлопнулся.

Глава 2. Галя

Проснулась я от того, что мне стало невыносимо жарко. Не от одеяла, а от какого-то плотного, стесняющего движения слоя ткани, обернутого вокруг тела. Голова гудела, как после дешевого вина, но не болела — была странная, ватная пустота.

Я потянулась, пытаюсь скинуть с себя это неудобство, и мои пальцы встретили не привычную фланелевую пижаму, а что-то прохладное, скользкое и невероятно мягкое. Как шелк. Настоящий шелк.

Ну так же не бывает.

Естественно, я моментально проснулась. Перед глазами застыл странного вида потолок, и он был точно не из моей квартиры.

Что? Я после вина куда-то отправилась?

Никогда не страдала потерей памяти, ну и после развода не тянуло меня на приключения, хотя очень хотелось свалить все на это. Но я внезапно увидела свои руки. Точнее свои, но не мои. Черт, я не знаю, как это объяснить.

Впрочем, были и другие знаки. Я определенно лежала не на своем продавленном диване. Над головой было не пятно от протечки на потолке, а темное дерево балдахина, с которого струились струящиеся занавески. Воздух пах не пылью и кошачьим кормом, а чем-то тонким, древесным — сандалом или какой-то незнакомой благовонной палочкой.

Я резко села. Тело послушалось с непривычной легкостью, без привычного хруста в спине и тяжелого вздоха, словно я помолодела. Я уставилась перед собой. На мне было платье.

Не просто платье, а какое-то нелепое, прекрасное сооружение из слоев нежно-сиреневого и серебристого шелка, расшитое прихотливыми вышивками — птицами, цветами. Рукава были широкими, как крылья. Я сжала ткань в кулаке. Шелк зашуршал, холодный и живой.

"Сон. Бред. Отравление", — лихорадочно пронеслось в голове.

Следовало было ущипнуть себя. Но прежде, чем я успела это сделать, мой взгляд упал на предмет в углу комнаты. Небольшое, в деревянной раме зеркало. Его поверхность была не стеклянной, а темной, мерцающей и... медной.

Да что за фигня?

Какое медное зеркало?

Что за шуточки? Я сползла с огромной кровати, ступни ног утонули в густом, пушистом ковре. Каждый шаг давался с трудом, мешали эти дурацкие, роскошные одежды. Я подбежала к зеркалу и застыла.

В темной, чуть мутноватой поверхности на меня смотрела незнакомка. Девушка. Девочка, черт возьми.

Лицо — идеальный овал, будто выточенный из слоновой кости. Кожа фарфоровая, без единой поры, без знакомых морщинок у глаз, без следов усталости. Глаза огромные, миндалевидные, цвета темного янтаря, обрамленные длинными, густыми ресницами, которые сейчас были расширены от ужаса. Губы, полные и естественно розовые, приоткрылись в беззвучном крике. И волосы...

Густая, черная, как смоль, волна волос, ни одного седого или обесцвеченного волоска, падала на плечи и спину, струясь по шелку платья.

Я медленно подняла руку и дотронулась до щеки. В зеркале девушка сделала то же самое. Ее — мои — пальцы были тонкими, длинными, с ухоженными ногтями, подкрашенными розовым лаком. Ни колец, ни застарелого шрама от ожога на указательном пальце, который я заработала на своей кухне десять лет назад.

Я, что, в дораме? Ведь та дорама, которую я смотрела...

Какой же бред я несу, но...

Это была она. Принцесса Гао Лань. Героиня, про которую я вчера вечером смотрела сериал.

Каким-то образом я попала в нее, и мне точно это не снится, потому что я уже расцарапывала шею, делала себе больно, но совсем не просыпала. Черт, я Гао Лань. Это... это...

Я не чувствовала восторга. Только всепоглощающий, животный ужас. Блин, я ведь знаю, чем сюжет закончится. Ну, плюс-минус, потому что смотрела в перемотке.

— Хоз-зй-ка... — раздался сзади жалобный, сиплый голос, больше похожий на мяуканье, поставленное на человеческие рельсы.

Я взвизгнула и рванулась к кровати, споткнувшись о подол. Обернулась.

У кровати, на коленях, сидела девушка в простом, но аккуратном платье служанки голубого цвета. Лицо у нее было круглое, с живыми, чуть раскосыми зеленоватыми глазами и вздернутым носиком. Каштановые волосы были убраны в две неуклюжие пучки по бокам. Она смотрела на меня с таким знакомым выражением — смесью тревоги, любопытства и немого требования.

Какое же это похоже на...

— Ла... Лариса? — выдохнула я, и голос мой прозвучал чуждо, высоко и мелодично.

Девушка-служанка тут же оживилась.

— Да, хозяйка. Это я. — она попыталась встать, но, кажется, еще не вполне освоилась с вертикальным положением и коленными суставами. Она пошатнулась и ухватилась за край кровати. — Ой. Ноги странные, длинные. И почему всего две? Неудобно.

Из-за ширмы, украшенной вышитыми журавлями, появились двое юношей в серых халатах, подпоясанных веревкой, и со смешными шапочками на голове. Один — высокий, жилистый, с рыжими волосами, собранными в низкий хвост, и хищными золотисто-зелеными глазами. На его лице играла озорная, растерянная ухмылка. Другой — плотный, широкоплечий, с добрым, сонным лицом и взъерошенными темными волосами. Он зевнул, прикрыв рот ладонью — движение было до неприличия кошачьим.

— Рыжик? Тимофей? — мой голос сорвался на первое сопрано.

Рыжий парень энергично кивнул.

О боже, они даже в человеческом обличье вели себя, как мои коты.

— Мы, хозяйка, мы. Я вроде как человек! — Рыжик оглядел свои руки с восторгом, а потом попытался лизнуть собственную ладонь. Получилось с трудом. Он сморщился. — Фу. Солёный. И шерсти нет.

Тимофей просто сел на пол, скрестив ноги по-турецки, и уставился в пространство, медленно моргая.

— Тут тепло... — протянул он своим низким, ленивым голосом. — Солнечное пятно на полу хорошее... Можно полежать?

У меня закружилась голова. Я отступила назад и наткнулась на табурет. Рухнула на него. Шелк зашуршал, коты-люди уставились на меня.

— Это... это та дорама, — прошептала я, глядя на свои новые, незнакомые руки. — "Судьба Алого Лотоса". Последняя, которую я смотрела. Мы... мы внутри нее?

Лариса, наконец справившись с ногами, подбежала ко мне и неожиданно ткнулась головой мне в бок, стараясь потереться об одежду, как делала всегда, когда хотела ласки.

— А здесь интересно, хозяйка, — прошептала она. — За окном птички чирикают, и пахнет едой откуда-то... не из миски.

— Интересно? — я чуть не задохнулась.

Во мне заговорила паника. Я схватила ее за плечи (какие хрупкие косточки!) и пристально посмотрела в чужие зеленые глаза.

— Лариса, ты что, не понимаешь? Здесь нас убьют. Всех убьют. А вы, — я оглядела котов, — вообще в глазах жителей — демоны. Вас первых и прикончат. Вас же демонами посчитают.

Ну, я очень мало знала про местные правила, но из сериалов помнила, что все, буквально все, плохой знак. Тут все разговаривают иносказательно, бросаются намеками, и каждый герой, даже самый незначительный — лицемер.

И я попала в новый мир с кошками?

Будто мне в насмешку, у всех котиков образовались ушки на макушке и красивые, длинные хвосты. Ребята разницы даже не почувствовали, а я накрыла глаза ладонью. Я так мечтала, чтобы это все было сном. Но...

Нет, по-моему, это какая-то волшебная, издевательская реальность.

Картина была одновременно нелепой и пугающей. Трое вполне себе симпатичных молодых людей с кошачьими атрибутами, выглядывающими наружу в минуту волнения.

— Небеса... — прошептала я на своем родном, привычном русском, закрыв лицо.

Все было реальным. Я проверила. Шелк платья был реальным. Холод табурета реальным. Паника, бьющаяся в висках — оглушительно реальной.

— Так, берем эмоции под контроль, — попыталась собраться я. — Очевидно, мы попали в дораму. Я — эта... эта благородная тряпка, Гао Лань. А вы ее несчастная свита, которую порешают в первых же сериях для драматизма.

Лариса играла с занавеской, Рыжик принюхивался к палочке из благовоний, а Тимофей... сидел... на солнышке.

К кому я обращалась? Это же... коты.

Моя попытка взять эмоции под контроль длилась ровно до того момента, как Лариса, устав терзать занавески, ринулась к медному зеркалу.

— Ой! — прошептала она, застыв перед своим отражением. — А я какая. Смотри-ка.

Она начала крутиться, пытаясь рассмотреть себя со всех сторон, но неуклюжие человеческие конечности явно подводили. Она походила на марионетку, которой дергают за все ниточки сразу. Потом она склонилась к зеркалу, почти уткнувшись в него носом, и... выпустила когти. Точнее, попыталась. С ее тонких человеческих пальцев не выдвинулось ничего, кроме аккуратных ноготков. Она фыркнула от разочарования.

— Лариса, — голос мой звучал хрипло от сдерживаемой истерики. — Ты вообще меня слышала? Нас убьют. Вас первыми. Вы же тут, в их глазах, демоны. Чуть что — хвост, уши — и все, приехали. Сожгут на площади, как черных кошек в средневековье.

Про Средневековье мы тоже фильмы смотрели.

Она оторвалась от медного зеркала и посмотрела на меня своими огромными, теперь зелеными глазами. В них читалось непонимание, а потом легкомысленное равнодушие.

— Ну и что? — сказала Лариса, пожимая тонкими плечиками. — Я и кошкой была неплоха. А человеком быть прикольнее. Пальцами шевелить можно. — Она продемонстрировала, с трудом складывая пальцы в фигу. — А если убьют... Демоница, так демоница. Хотя в легендах останусь. Страшная Лариса, похитительница цыплят и душ. Звучит.

У меня отвисла челюсть. Я посмотрела на Тимофея. Он, так и не дождавшись разрешения, растянулся на том самом солнечном пятне, нагретом утренним светом, проникавшим через бумажную ширму окна. Его плотное, одетое в грубый халат тело, казалось, уже навеки срослось с полом. Он просто мурлыкал, прикрыв глаза.

— Тим, — позвала я беззвучно.

— М-м-м? — он приоткрыл один глаз.

— Нас могут убить.

— Потом... — протянул он. — Сейчас солнце. Тепло. Как в старом кресле на балконе... Только кресла нет... Жаль...

Это был тупик. Моя команда состояла из самовлюбленной эгоистки, философа-лежебоки и... Где Рыжик?

Рыжик уже всюду осваивал новые возможности. Он подкрался к замороженной своим отражением Ларисе сзади и... ткнул ее пальцем в бок, точно так же, как делал в кошачьем облики, вызывая на игру.

— Кыс-кыс, — прошипел он, сверкая золотистыми глазами.

Лариса взвизгнула и подпрыгнула на месте, неуклюже развернувшись.

— Ах ты, рыжая бестия, — она махнула на него рукой, но движение было неловким, без кошачьей грации.

— Эй, не драться, — рассмеялся Рыжик, отпрыгивая. — Давай, догони. Новые ноги, надо проверить, быстро ли бегаются.

Я глубоко вздохнула, желая развидеть увиденное и расслышать услышанное. Они, что, флиртуют?

— Прекратите! — заорала я, и мой новый, мелодичный голос сорвался на визг.

Они замерли, смотря на меня, как провинившиеся котята. В голове застучало: *"Дракон, потерявший жемчужину, менее страшен, чем тигр, у которого отняли добычу"*.

О, че это я как героиня заговорила? Ладно, потом эту загадку решим.

Потому что сейчас я и была этим тигром, с которого содрали шкуру, нарядили в шелка и подсунили двух непоседливых детенышей, да одного увальня.

И тут меня осенило. В сюжете у принцессы Гао Лань были служанки и... евнухи. Эти серые халаты, гладкие подбородки...

— Стойте, — сказала я тише, подходя к парням, в смысле к котам. — Вы же... по идее... должны быть евнухами. Придворными скопцами. Понимаете? Кастратами...

Наступила гробовая тишина. Даже Тимофей на полу приоткрыл второй глаз. Лариса с Рыжиком переглянулись.

— Чего? — спросил Рыжик, не понимая.

— Ну... — я замялась, жестом показав ниже пояса. — Вам там... должно быть... пусто. Чтобы к женщинам во дворце не было лишних мыслей.

Лица котов отразили полное непонимание, а затем проблеск любопытства. Понимание, кстати, тоже пришло. Не такие коты и тупые.

— Надо проверить, — с внезапной серьезностью заявил Рыжик.

— Ага, — тут же подхватила Лариса, ее глаза загорелись азартом.

Тимофей с неохотой поднялся на локте.

— И мне проверять? — спросил он уныло. — Далеко идти?

— Да проверьте уже, ради всего святого, — взмолилась я, чувствуя, как теряю последние остатки разума. — Только тихо! И быстро! А ты, — ухватила Ларису за рукав, — в этой проверке не участвуешь.

— Мяу, жаль, — фыркнула она.

Они, перешептываясь и толкаясь, скрылись за высокой лаковой ширмой с изображением гор и водопадов.

Я осталась стоять посреди комнаты, и вдруг со всей ясностью осознала ужасающую деталь. В суматохе после развода, в депрессии и хлопотах с переездом, я так и не собралась отвезти Рыжика и Тимофея на кастрацию. Все собиралась, откладывала, а потом махнула рукой — живут ведь спокойно, не метят. Ну и одинокой женщине двое мужчин, пусть и котов, в жизни не помешает. А теперь...

Из-за ширмы донеслись приглушенные возгласы.

— О! Все на месте, — ликующий произнес Рыжик..

— Уф... — облегченный вздох Тимофея. — А то я уж испугался...

— Словно тебе надо было, — съехидничала Лариса, — ты же двигаешься только до миски.

— Когда мне будет надо, — серьезно объявил Тимофей, — ты первая об этом узнаешь.

Так, по-моему в ход пошли угрозы.

— Завалите пасти, дайте подумать теперь, — выпалила я, лихорадочно потирая виски.
— Что мне теперь делать, раз вы не евнухи?

Мои котики. Мои некастрированные, теперь еще и очеловеченные котики, оказались в телесности евнухов при дворе жестокого принца. Это было не просто попадание в беду. Это был мастер-класс по ее привлечению. Самое ужасное, что мужчинами они стали очень привлекательными. И если насчет Тимофея я не сильно волновалась, он тупо ленив, то Рыжик был вечным двигателем. А как известно, вечные двигатели приносят большие проблем.

Они высыпали из-за ширмы, сияя, как будто обнаружили не сохранность своего достоинства, а клад.

— А что делают с не евнухами? — подмигнул мне Рыжик.

Теперь он явно чувствовал себя настоящим мужчиной. Очень опасное заблуждение в наших обстоятельствах. Ну, потому что он кот.

— Да, все цело, — кивнул Тимофей и тут же, видимо, от переизбытка эмоций, зевнул во весь рот.

И в этот самый момент, будто сама судьба решила поиздеваться надо мной в очередной раз, у них опять выскочили уши. У Ларисы серенькие с кисточками, у Рыжика рыжие, насто-роженно подергивающиеся, у Тимофея широкие, округлые, лениво развернутые в сторону звуков.

Уши появились неспроста. Будто бы назло, кто-то постучался в дверь.

Все внутри меня сжалось в ледяной ком. Глаза расширились. Коты замерли, их уши при-жались к головам в унисон. Даже Тимофей мгновенно вскочил на ноги, полный редкостной для него бдительности.

— Заткнитесь, — выдохнула я, выставив палец, — просто заткнитесь.

Паника — странная штука. Она либо парализует, либо включает режим сверхскорост-ного, идиотского креатива. Мой мозг, к счастью, сработал по второму варианту.

Окинув взглядом комнату, я рванулась к кровати. Сорвала с нее большую шелковую подушку в вышитой наволочке и швырнула ее в Тимофея.

— На голову, давай, закрутись.

Тимофей поймал подушку, тупо уставился на нее, потом на меня. Его широкие уши нервно дрогнули.

— Чего?

— Тимофей, напоминаю, у тебя девять жизней, но все они будут краткими если ты не оденешь подушку на голову, — прошипела я.

Он вздрогнул, замотал головой и нахлобучил подушку. Он теперь выглядел как очень растерянный, пухлый турецкий султан. Уши, к счастью, скрылись в складках тюбана.

— Супер, шаль, — я заметила на спинке стула длинную шелковую шаль цвета морской волны, расшитую серебряными рыбками. Схватила и набросила на голову Рыжику, завязав концы под подбородком, будто он старушка-крестьянка. — Не дыши, а то слетит. И хвост уברי, — пригрозила ему кулаком.

Рыжик, похоже, наконец осознал серьезность момента. Он втянул хвост, скрестил ноги по-турецки и прикрыл полы халата, приняв неестественно скромную позу. Из-под шали тор-чала только прядь медно-рыжих волос и пара испуганных золотых глаз.

— Лариса, твоя очередь! — обернулась я к кошке, но та уже исчезла. — Ларис...

Она вынырнула из-за высокой вазы в углу, нацепив на голову широкополую шляпу с вуалью, в которой, кажется, принцесса Гао Лань и прибыла во дворец. Вуаль опускалась до подбородка, скрывая не только уши, но и половину лица. Идеально.

— Молодчина, — похвалила я на автомате, а после крикнула в дверь: — Сейчас, сейчас, я одеваюсь.

Дальше я закрутилась и завертелась, проверяя, как мы смотримся. Смотрелись мы комично, но это лучше, чем всем показать кошачью натуру прислуги. Почему я не завела себе рыбок или птичек? Они бы уплыли или улетели.

— Так, — резюмировала я. — Вы — мои слуги Ли Жу, Жун Мао и Тай Фэн. Вы с севера, у вас... у нас странные обычаи. Вы стеснительные. Молчите, копайте носом в пол. Поняли?

Трое кивков — один растерянный, один энергичный и один ленивый. Тимофей приготовился реально копать носом пол.

— Это была метафора, метафора, пушистый ты увалень, — закатила я глаза.

Стук повторился. Эх, была не была...

— Войдите, — сказала я, стараясь вложить в голос все остатки призрачного достоинства принцессы Гао Лань. Голос прозвучал выше, чем хотелось, но, кажется, без дрожи.

Дверь бесшумно отворилась, и в комнату вошел мужчина. Главный евнух местного дворца. В жизни он выглядел еще тоньше и острее, чем на экране. Худощавое, лишенное растительности лицо с умными, всевидящими глазами-щелочками. Держался с абсолютной, отточенной вежливостью, которая была страшнее любой грубости.

Он склонился в низком поклоне, руки, сложенные в руках.

— Принцесса Гао Лань, рады видеть вас этим утром. Надеюсь, Ваше Высочество изволила отдохнуть с дороги?

— Я... да, благодарю, — выдавила я, чувствуя, как шелк платья прилипает к вспотевшей спине. — Что привело тебя ко мне с такой поспешностью?

Лян Дэ выпрямился, его взгляд скользнул по комнате, задержавшись на моих "слугах". На Тимофея в подушке, на Рыжика в старушчатой шали, на Ларису в шляпке с вуалью. В его глазах мелькнула тень живейшего недоумения, но лицо осталось непроницаемым.

— Хотел вас предупредить, что Его Высочество наследный принц Суань Лин и господин Чжэн Фэй, глава Ведомства наказаний, изволили выразить желание нанести визит. Они уже в пути во внутренние покои.

Ледяная струя пробежала по позвоночнику. Они. Уже. Здесь. Сердце заколотилось где-то в горле.

Да, вроде в первых сериях так и было. Гао Лань жутко удивилась, но приняла делегацию. Но я-то не Гао Лань, и я совсем не готова.

— Так скоро? — спросила я. — Но ведь официальная аудиенция назначена только на завтра.

— Именно так, Ваше Высочество, — кивнул евнух. — Визит будет частным. Неофициальным. Простите за дерзость, — он снова поднял взгляд на мою свиту, и в этот раз недоумение пробилось сквозь вежливую маску. — Ваши слуги. Их внешний вид... весьма своеобразен. Не угодно ли будет Вашему Высочеству позволить подготовить для них более подходящие головные уборы?

В воздухе повисло напряжение. Мне показалось, что он что-то подозревает, но ведь не кошачьи уши же.

Впрочем, и без Лян Дэ все было как-то не так. Коты молчали, опустили голову, но краем глаза я заметила, что у Рыжика чуть дергается шаль из-за непослушного уха, а у Тимофея...

Небеса, лучше бы я этого не видела. Из под края его халата виднелся хвост. Пока он не привлекал внимание евнуха и людей, что с ними пришли, но это же вопрос времени.

Мозг лихорадочно подбрасывал варианты. Объяснить? Невозможно. Приказать уйти? Слишком подозрительно. Нужно было отвлечь внимание. Создать шум, движение, нечто настолько нелепое и шокирующее, чтобы все, включая вылезающий хвост, померкло перед этим зрелищем. Ну и котов прогнать заодно.

— Я просто от них устала в дороге, — пафосно высказалась я. — Закрыла лица, потому что несколько дней в повозке так близко вызывали во мне тошноту. Не переживайте, сейчас они уйдут и сменят наряды.

Коты, уже люди, видно что-то скумекали. Синхронно поднялись и потоптались в сторону другой двери, ведущей, надеюсь, в соседнее, но личное помещение. Хвост Тимофея все также великолепно виднелся из-под халата.

Выживу — убью.

И тогда во мне что-то щелкнуло. Остатки паники сгорели в вспышке отчаянного, истеричного решения. Если уж играть роль сумасшедшей северной принцессы — так играть до конца.

Я вскинула голову, сделала шаг вперед, отстраняясь от Тимофея, и... запела.

Звук, вырвавшийся из моего горла, был немелодичным и громким. Я не знала местных песен, поэтому выпалила первое, что пришло в голову — частушку, которую когда-то слышала от бабушки в деревне, да и то полузабытую, переделанную

"На печи сидят еноты,

В полыхании работы!

Ай-люли, ай-люли,

Не смотри на меня, евнух, ты!"

Я пустилась в пляс. Вернее, в то, что с отчаяния можно было назвать плясом. Я топталась на месте, размахивала руками в этих дурацких широких рукавах, кружилась, задевая вазу (она, к счастью, только качнулась).

Да, я деревенщина.

В комнате воцарилась гробовая тишина, нарушаемая только моим фальшивым воплем и шуршанием ткани. Лян Дэ замер, его лицо впервые выразило нечто, кроме вежливости — чистый, неприкрытый шок. Его рот приоткрылся. Коты застыли в своих дурацких уборах, глаза у них стали круглыми, как блюда. Даже хвост Тимофея на секунду замер, лишь кончик его предательски вздрогнул.

Я помахала им руками, поторапливая, а сама продолжала, выкрикивая теперь уже бессмысленные слоги, подпрыгивая и хлопая в ладоши:

"Тра-та-та, тра-та-та!

Принцесса с севера горда!

Ела кашу, пила квас,

А теперь танцую тут для вас!"

Едва створка за котами захлопнулась, как с в другую дверь вошли мужчины.

Слава небесам, а то я устала клоуном подрабатывать. Дальше пошли бы песни Аллегровой, чего ни я, ни эти герои дорамы точно не желали. Рано им про шальную императрицу узнавать, которая в объятиях кавалеров забывает обо всем.

Судя по узнаваемому сюжету, меня навестил наследный принц Суань Лин и его соратник, друг, а еще очень опасный тип — Чжэн Фей, в столь молодом возрасте возглавивший министерство наказаний. Его запомним, его будем избегать.

В жизни Суань Лин казался еще выше, холоднее и опаснее. Вся его фигура источала леденящую мощь и недоверие. Да, он Гао Лань серий тридцать ненавидел.

Чжэн Фэй явно был постарше, с жестким взглядом и очень неприятной ухмылкой.

Они замерли на пороге, похоже услышав конец моей импровизационной репризы. К чести принца и министра, ни один мускул не дрогнул на их прекрасных лицах. Только бровь у одного немного поползла.

Я замерла в своей нелепой позе, одна рука все еще была занесена для хлопка, другая придерживала разлетевшийся рукав. Сразу же сгорбилась, опустила голову и сложила руки.

— Ну, здравствуй, принц.

"Здравствуй, принц? Гая, ты только это придумала?"

Ждала, что Суань Лин либо грозно рассмеется, либо сразу выставит меня за пределы Запретного города. Но вместо этого принц Суань Лин медленно, с ледяной вежливостью, тоже склонил голову.

— Принцесса Гао Лань, — произнес он. Его голос был низким, бархатным и абсолютно безразличным, как скольжение стали по шелку. — Мы пришли... побеспокоить. Но, кажется, застали некий... ритуал?

— Какой ритуал? — я подняла взгляд и глупо почесала затылок. — Я знакомила главного евнуха с нашими традициями. Невеста всегда поет, когда счастлива.

Лян Дэ, наконец опомнившись, повалился в глубокий, почтительный поклон, стукнувшись лбом о пол.

— Ваше Высочество, простите. Принцесса Гао Лань была так искренна и стремительна, что я не успел ее остановить. Клянусь, я не видел ее танец, я не слушал, как мелодично она поет. И стражники тоже не слушали, — оглянулся он на воинов, что пришли с ним.

Те, как по команде, закивали.

— Нет, не слушали, ничего не видели.

Вот врут и не краснеют. Так глаза протирали, что следы на веках остались. Я умею впечатлять, а с новой внешностью и стараться не надо. И что за вранье про мелодичность, я же орала, как ошалевшая чайка.

— Понятно, — с тихим достоинством произнес принц.

И что ему было понятно? Принц, будь другом, объясни мне, потому что мне совсем ничего не понятно.

Но он продолжил, обратившись к евнуху и другим, из-за которых в комнате было очень тесно.

— Выйдите!

— Но принц, — попытался возмутиться Лян Дэ.

— Вы слышали, — холодно прервал его Суань Лин. — Оставьте нас. Визит почти тайный, он никак не опорочит принцессу.

У этого принца такая смазливая внешность, что я с трудом удержалась, чтобы не связать: "Порочь меня полностью". Я, Галина Иванова — женщина приличная. Тем более принц принцессу ненавидит, но в целом я не прочь опорочиться.

Когда все лишние люди ушли, включая и Чжэн Фэя, Суань Лин сделал шаг вперед. Если до этого он мне казался красивым, то впечатления померкли. Он нависал надо мной, давил, и, естественно, собирался напугать и настоять на своем.

— Теперь, принцесса, — сказал он тихо, и в его глазах не было ничего, кроме холодного презрения. — Поговорим о том, зачем ты здесь. И о цене, которую заплатила твоя семья за смерть моего брата.

Игольчатый мороз прошелся по коже. Сцена из дорамы. Слово в слово. Но теперь я была не зрителем, сидящим на диване с бокалом вина. Я была той, на кого направлен этот взгляд, полный ненависти. И в груди, вместо страха терпилы Гао Лань, начало медленно, ядовито закипать совсем другое чувство. Знакомое, родное. Гнев.

— Не ждите от брака много, — процедил он сквозь зубы. — Вам понятно?

Он так презрительно на меня смотрел.

"Поговорим о том, зачем ты здесь. И о цене, которую заплатила твоя семья за смерть моего брата."

Это принцессу Гао Лань он мог испугать. У нее долг, а еще задание — прикончить принца, а она его зачем-то сразу полюбила. Я-то другая, и менталитет мой отличен от принцессино.

Суань Лин, наверное, полагал, что я похолодею от страха, зажмурюсь и поклонюсь, а я почувствовала лишь глухое, усталое раздражение. Очередной мужчина, который вешает на меня вину за чужие грехи. Только этот — в шелках и с короной в перспективе. Кстати, так-то неплохой вариант.

В голове, как по нажатию кнопки, всплыл кадр из дорамы. У принца был улыбчивый, открытый, старший брат Суань Мин, так не похожий на этого ледышку. Потом вспомнила его смерть в ущелье из-за засады. Предательство своего же генерала, подкупленного канцлером Янь Чжоу. Главная наложница Мэй Линь, мать второго принца, которая подложила фальшивые письма. Сложная, паутинная интрига, в которой настоящая принцесса Гао Лань была всего лишь пешкой, призванной отвлечь внимание и принять удар.

Я все это знала. Он — нет. И знала я еще кое-что: в сериале принцесса рыдала, клялась в невинности, умоляла о доверии. И чем больше она это делала, тем глубже принц вяз в своей уверенности, что она лгунья и актриса.

Суань Лин ждал ответа. Его темные глаза, казалось, выжигали во мне дыру, выискивая хоть каплю вины, страха, лжи. Его осанка, его все существо излучало такое концентрированное презрение, что им, наверное, можно было травить тараканов.

И мне внезапно стало... пофиг.

По-житейски, не героически, не дерзко, но по-моему пофиг.

Устала. Надоело. Я только что отплясывала частушку перед евнухом, мои коты едва не выдали себя хвостами, я в теле восемнадцатилетней девочки, а он тут со своими драмами.

Я глубоко вздохнула. Так, как вздыхала, когда в "Пятерочке" трехсотый покупатель спрашивал, есть ли скидка на просроченный йогурт.

— Понятно, — сказала я тихо, глядя куда-то мимо его плеча, на изящную роспись стены с летящими журавлями.

— Что понятно? — изумился он. Не такого ответа ожидал.

Я поджала губы и уставилась на Суань Лина.

— Что ты никогда не забудешь, что не жди от брака многого. Все понятно, — я махнула рукой, и широкий рукав шелкнул по воздуху. Жест был поразительно неаристократичным, списанным с бабы Мани из соседнего подъезда, когда та отмахивалась от надоедливой участковой. — Да и вообще, я так поняла, ты все силы приложишь, чтобы брак не состоялся. Ну, прикладывай. Я совсем не против.

В комнате стало так тихо, что я услышала, как где-то за окном щебечет птица. Лицо Суань Лина изменилось. На нем последовательно сменились гнев, недоумение и снова гнев, но уже замешанный на полном непонимании. Он приготовился к слезам, к мольбам, к высокопарным речам о мире между странами. А получил равнодушное "прикладывай".

— Ты... — он начал и запнулся, что для него, вероятно, было редкостью. — Ты понимаешь, о чем говоришь?

— Ты меня уже второй раз спрашиваешь. Понимаю, — кивнула я, наконец встретившись с ним взглядом. В моих янтарных, чужих глазах, наверное, отразилась вся моя сорокапятилетняя усталость. — Ты думаешь, я рвусь замуж за того, кто смотрит на меня, как на кусок дохлой крысы на пороге? Спасибо, обойдусь. Женись на своей ненависти, если она тебе так мила. Мне не жалко.

Он отступил на полшага. Буквально. Как будто мои слова были физическим ударом. Его пальцы, лежавшие на поясе, сжались в кулаки.

— Твое легкомыслие граничит с безумием, — процедил Суань Лин. Весь его гнев ушел внутрь, замерз, превратившись в еще более страшную, тихую угрозу. — Или с коварством. Что ты задумала?

— Называй как хочешь, — пожала я плечами. — Главное — результат. Ты не хочешь жениться, я не хочу замуж. У нас, оказывается, есть что-то общее. Можно расходиться по углам и не портить друг другу настроение.

Всегда искала сериал, где люди будут говорить друг другу в глаза правду. Я сказала, но, сюрприз, оппонент в нее не верит.

Он еще несколько секунд смотрел на меня, пытаясь разгадать загадку, которой не было. Просто женщина, которой было плевать. Наконец, он резко развернулся, его темный халат взметнулся.

— Этот разговор не окончен, принцесса, — бросил он через плечо, и в его голосе снова зазвучала сталь. — Но запомни: мои покои и моя жизнь для тебя закрыты. Навсегда.

Он вышел, не дожидаясь ответа. Дверь закрылась с мягким, но окончательным щелчком.

— Бу-бу-бу, — передразнила я, удостоверившись, что Суань Лин скрылся.

Я стояла посреди роскошных покоев, и в тишине до меня начал доходить масштаб произошедшего. Я только что послала... наследного принца? В самом начале сериала? Я сломала первый и главный конфликт. Что теперь будет с сюжетом? Станет ли лучше? Или все полетит в тартарары, увлекая нас за собой? А, пофиг. Я же решила, что мне пофиг?

Ноги вдруг подкосились. Я доплелась до кровати и плюхнулась на шелковое покрывало, не чувствуя его роскоши. Только холод и легкую дрожь в коленках. Адреналин отступал, оставляя после себя пустоту и миллион вопросов.

Сначала из-за ширмы, а потом и из соседней двери, стали появляться мои котики.

Сначала осторожно показалась Лариса, уже без шляпки, ее каштановые волосы растрепались, а кошачьи ушки радостно торчали вверх.

— Ушли? — прошептала она.

— Ушли, — кивнула я.

Тогда вывалился и Рыжик, скинувший с головы дурацкую шаль. Его золотистые глаза сияли возбуждением.

— Вау, хозяйка! Ты его! Такого! А он даже слова не нашел! — он прыгнул на пол и сделал сальто назад, невероятно грациозное для новоиспеченного человека. Его рыжий хвост весело вилял, выписывая восьмерки.

Тимофей вышел последним, неся в руках ту самую подушку. Он выглядел сонным и довольным.

— Громко говорили, — заметил он и, плюхнувшись рядом со мной на пол, прислонился спиной к кровати. — Мешали дремать.

И почему я не удивлена?

Я посмотрела на них. На эту троицу, которая была моим единственным якорем в этом безумном мире.

— Ладно, команда, — сказала я хрипло. — Экстренное совещание. Первый вопрос: как, черт возьми, мы сюда попали?

Наступила пауза. Лариса, теперь уже Ли Жу уселась, поджав под себя ноги (получилось криво), и принялась вылизывать тыльную сторону ладони. Осознав, что шерсти нет, она сморщилась и прекратила.

— Не знаю, — честно сказал Рыжик, которого я мысленно стала звать Жун Моа, укладываясь на животе и подпирая подбородок кулаками. — Я заснул, грелся. Проснулся — стал человеком. Прикольно.

— Может, Дед Мороз? — неожиданно предложил Тимофей, глядя в пространство. — Ты же засыпала, все про дораму думала. Желание загадала.

Так, он Тай Фэн, нельзя забывать.

— Дед Мороз в китайской дораме? — я подняла бровь. — Сомнительно. Да и желание было пьяное и неконкретное. "Вот бы самой попасть в дораму". Так не загадывают.

— А может, мы и не попадали? — философски заметил Жун Мао. — Может, мы все еще спим, и это такой общий сон? Давай, меня ущипни.

Я без раздумий протянула руку и ущипнула его за бок. Он взвизгнул и отпрыгнул.

— А можно аккуратнее? Я породистый.

— Поздравляю, Шерлок, — пробормотала я. — Первое, ты не породистый. Второе, и оно главное: как нам вернуться обратно?

Тут воцарилась напряженная тишина. Ли Жу перестала пытаться умыться, Жун Мао замер, Тай Фэн приоткрыл один глаз.

— Обратно... в квартиру? — уточнила Ли Жу.

— Да. Где я в халате, у меня смены шесть через один, развод, ипотека и дешевое вино. А вы — коты.

Они переглянулись. И по их лицам... нет, не по лицам, по самому их виду, по тому, как они уже осваивались в этих телах — мне все стало ясно.

— Я... я не хочу, — первым серьезно высказался Жун Мао. — Там я мог только бегать за мячиком и смотреть в окно. А тут... тут я могу бегать, по-настоящему. И прыгать высоко. И... и держать вещи в руках, — он схватил с низкого столика нефритовую безделушку и стал подбрасывать ее, ловя то одной, то другой рукой, с кошачьей легкостью. — Хозяйка, я хочу вкусить человеческой жизни.

Я поморщилась.

— Тебе, Рыжик, всегда бы чего-нибудь вкусить. А ты? — посмотрела на Ларису.

— А я... — Ли Жу потрогала свои волосы, потом платье. — Я могу носить платья. И говорить. И меня все понимают. Ну, почти все. И тут... интересно. Запахи другие. Люди другие. И тот, суровый, с шрамом... он пахнет опасностью и кожей. Интригующе.

Тимофей просто вздохнул и растянулся на полу поудобнее, закинув руки за голову.

— Тут тепло. Еда, наверное, будет. Лепешки какие-нибудь. Рыба. Тебя кормить не надо, ты теперь сама себя прокормишь. И места больше. Солнечных пятен, гляжу, тоже достаточно. Я не хочу обратно.

Я слушала их и чувствовала, как внутри что-то сжимается и одновременно отпускает. Они были счастливы. А я?

Я оглядела комнату. Шелк, позолота, резное дерево. Я подняла руку и потрогала свое лицо. Кожу, натянутую и гладкую, без морщин усталости вокруг глаз. Я сжала и разжала пальцы — молодые, сильные, без ноющей боли в суставах после долгой смены у кассы.

Вернуться к Галине Ивановой? К пустоте, которую заполняли только коты и дорамы? К жизни, которая уже состояла из одних отголосков былых надежд?

— Блин, — тихо выдохнула я. — Да я, кажется, тоже не хочу.

Это было страшное признание. Но правдивое. Здесь я была молода. Здесь у меня была, как ни крути, фантастическая авантюра. Здесь не было долгов, оставленных предателем, и унижительной работы. Здесь были только смертельные опасности, интриги, холодный принц, который меня ненавидел.

— Ладно, — сказала я, вставая. Голос звучал тверже. — Раз уж мы тут, и деваться некуда, надо вырабатывать стратегию. Сюжет мы уже начали ломать. Принц в шоке. Это хорошо. Значит, мы не обязаны идти по протоптанной дорожке к моему печальному финалу, чтобы это ни значило.

— Ура! — пискнула Лариса.

— Но это значит, что мы ничего не знаем о том, что будет дальше, — продолжила я. — Все пошло наперекосяк. Нам надо быть осторожнее. Вы особенно. Уши и хвосты — только в крайней панике. Учитесь контролировать. Вы теперь не кошки, вы... люди.

Жун Мао кивнул с преувеличенной серьезностью, но его хвост все равно предательски дернулся. Тимофей промычал что-то вроде "ага".

— И еще, — я посмотрела на них строго. — О человеческих удовольствиях. Я все понимаю, вам интересно. Но здесь за этим, понимаете, может следовать не просто "ой, как мило", а отрубание головы с предварительными пытками. Поэтому никаких экспериментов без моего одобрения. Поняли?

— Поняли, — нестройно прозвучало в ответ. По глазам Рыжика было видно, что не совсем, но ладно.

Усталость, настоящая, глубокая, накатила на меня, как тяжелая волна. Слишком много эмоций за один день. Вернее, за одно утро.

— Все, — сказала я. — Сегодня мы больше ничего не решаем. Выспаться. Осмотреться. А там... посмотрим.

Коты, кажется, только этого и ждали. Ли Жу тут же юркнула в соседнюю комнату, видимо, решив занять самую мягкую лежанку. Жун Мао потянулся и поплелся за ней, на ходу разминая плечи. Тай Фэн так и остался лежать на полу на своем солнечном пятне, закрыв глаза. Через минуту раздался его размеренный, громкий храп.

Я осталась одна. Подошла к тому самому медному зеркалу. В темной поверхности снова смотрела на меня незнакомка-девушка. Но теперь в ее глазах я видела не только панику. Видела тень той самой Галины Ивановны — уставшей, циничной, но цепкой. Видела странную смесь: молодое тело и старую душу.

Я медленно провела рукой по щеке, по линии скулы. Кожа была упругой, как персик.

— Ну что ж, Гао Лань, — прошептала я своему отражению. — Или кто ты там теперь. Попали мы с тобой в историю. Но если уж попали... может, стоит попробовать прожить ее не по дурацкому сценарию? Без слез, без жертв. А по-своему.

Уголки губ на чужим, прекрасном лице дрогнули и потянулись вверх в слабой, но самой первой за сегодня настоящей улыбке. Невеселой, нет. Но решительной.

Глава 3. Галя

Проснулась я от настойчивого тыканья в щеку. Не пальцем, а чем-то мягким и пушистым. Я приоткрыла один глаз. В полусумраке комнаты, освещенной первым сизым светом за окном, надо мной склонялось озабоченное лицо Ли Жу. А в щеку мне тыкался кончик ее серого хвоста, который она, похоже, совсем не контролировала.

— Хозяйка, вставай, — прошептала она, и ее уши нервно подрагивали. — Там шум. Приходили. Говорят, скоро за тобой.

— Кто за мной? Куда? — пробормотала я, пытаюсь вспомнить, где я и за что мне такая жизнь.

Память вернулась мгновенно, вместе с тяжестью в желудке. Дворец. Принц. Драма. Ах, да.

— На аудиенцию к императору! — уже своим обычным, писклявым голосом сообщил Жун Мао, появившись из-за ширмы. Он был уже одет в свой серый халат, но завязан он был криво, а один конец пояса волочился по полу. — Там красивые женщины в дверях стучались, говорили, надо готовить "принцессу к торжественной встрече". Звучало вкусно, но еды не принесли.

Тай Фэн просто застонал с своего солнечного пятна, которое теперь было холодным и серым. Он даже не открывал глаз.

— Еще ночь... Зачем люди встают, когда еще можно спать? Это жестоко.

Я с трудом оторвала голову от шелковой подушки. Все тело ныло, как будто меня всю ночь молотили цепом. От стресса, наверное. Или это новое, юное тело так реагировало на шок.

— Ты бы выспался, — справедливо отметила я, — если бы не скакал половину ночи. Некоторые привычки у животных неискоренимы.

— Я охотился, — огрызнулся Тай Фэн.

— И не поделился? — спросила Ли Жу.

— Бабочкой?

Ну, справедливо. Если кошки в своем рационе были не столь избирательны, то я к бабочкам не прикоснусь.

— Ладно, ладно, встаю, — застонала я, выкатываясь с кровати. — Значит, собираться надо. Официально познакомиться со свекром-императором и его любимой женушкой, которая, по сюжету, хочет меня сожрать без соли. Чудесно. Ли Жу, помоги с этим... всем.

Я показала на грудку одежды, аккуратно разложенную на лакированной скамье еще с вечера служанками, которых я тогда, в панике, не заметила. Там лежали слои чего-то шелкового, парчового, расшитого жемчугом и золотыми нитями. Похоже на снаряжение для космонавта времен династии Мин.

Впрочем, не к тому человеку... тьфу ты, коту я обратилась.

Ли Жу с энтузиазмом подскочила к одежде, схватила первый верхний слой — длинный халат цвета рассветной зари с вышитыми фениксами. И попыталась надеть его на себя.

— Эй, нет, — я ахнула. — Это мне. На меня это надо надеть.

— Ой, — она разочарованно опустила халат. — А он такой красивый. На мне бы сидел лучше.

— Ли Жу, сосредоточься. Ты моя служанка. Ты должна помочь мне одеться. Как это делается?

Она уставилась на одежду, затем на меня. В ее зеленых глазах читалась полная, абсолютная пустота. Кошка, которую поманили капустным листом.

— Ну... — она потрогала нижнюю белую рубаху из тончайшего шелка. — Наверное, это идет сначала. Потом это... а потом вот это. Или вот это. А может, это обматывается?

Она взяла широкий пояс-шнур с нефритовыми подвесками и неуверенно потрясла им в воздухе.

Жун Мао, тем временем, решил помочь по-своему. Он подошел к столу с туалетными принадлежностями, где стояла нефритовая шкатулка с какой-то розовой пудрой для лица. Он открыл ее, понюхал, чихнул, распылив облако розовой пыли по половине комнаты, и потянулся к кисточке для румян.

— Не трогай! — рявкнула я, но было поздно. Он уже с любопытством поднес кисточку к своему носу и снова чихнул, более мощно. Пудра осела на его рыжих ресницах, делая его похожим на демона-панду.

— Фу, невкусно, — заключил он, отставляя шкатулку.

Тай Фэн, наконец, поднял голову.

— А есть что-нибудь из еды? Хоть молоко? Вчера забыли поесть. Человеком быть голодно.

Я закрыла глаза и посчитала до десяти. По-русски. Потом до десяти на китайском, которого я раньше не знала, но теперь бормотала: "И раз, и два, и дооолго..."

Открыв глаза, я увидела, что Ли Жу, решив действовать, надела на меня белую рубаху, а сверху попыталась натянуть парчовую безрукавку, причем задом наперед.

— Все, — сказала я с ледяным спокойствием. — Все нафиг отсюда. Стоять. Не двигаться. Не дышать на предметы искусства. Жун Мао, вытри лицо. Тай Фэн, иди ищи на кухне хоть корочку, но если тебя поймают — мы тебя не знаем.

Они замерли, почуяв в моем тоне ту самую интонацию, которая предшествовала походу в ветеринарку или внезапному купанию.

Я сама начала сражаться с этим шелковым адом. Сбросила безрукавку. Покрутила в руках следующий слой: длинную юбку-платье с разрезами по бокам. Как это завязывается? Где тут вообще вход? Я чувствовала себя ребенком, которого заставили собрать шкаф из икеи.

Именно в этот момент, когда я уже готова была разорвать все в клочья и выйти к императору в нижней сорочке, объявив это новой северной модой, дверь отворилась.

В проеме стоял пожилой мужчина в темно-синих, строгих, но богатых одеждах, расшитых серебряными журавлями. Длинная седая борода, умные, пронизательные глаза, полные в эту секунду неподдельного ужаса. За ним теснились две настоящие, профессиональные служанки с невозмутимыми лицами, несущие лаковые шкатулки и шкатулки.

— Ваше Высочество! — старик воскликнул, и его голос дрогнул. Он сделал шаг вперед, затем его взгляд упал на моих "слуг". На Ли Жу, застывшую с парчовой безрукавкой в руках, на Жун Мао с розовыми ресницами, на Тай Фэна, который, не сдвигаясь с места, жадно облизывался, глядя на служанок, будто они были ходячими мисками с едой.

Я увидела, как лицо старика бледнеет под сединой бороды. Это был Вэнь Бо. Министр, который сопровождал принцессу Гао Лань из ее страны. В его глазах читалась катастрофа вселенского масштаба.

А ведь катастрофа состоялась.

— Господин Вэнь Бо? — осторожно сказала я, пытаюсь вспомнить, как с ним надо обращаться.

Он, кажется, был настолько потрясен, что забыл о церемониях. Он махнул рукой служанкам, те, словно отлаженный механизм, плавно вошли в комнату, оттеснили от меня остолбеневшую Ли Жу и принялись с тихими, профессиональными щелчками и шуршанием распушивать меня из шелкового клубка.

— Ваше Высочество, — наконец выдохнул Вэнь Бо, приблизившись и понизив голос так, чтобы не слышали даже служанки. — Что происходит? Почему ваши личные слуги... — он с трудом подбирал слова, — ...выглядят так, будто их только вчера выловили в лесной чаще и нарядили в одежды? И вы... ваше поведение...

Он смотрел на меня, и в его взгляде было не только недоумение, но и страх. Страх за меня. Или за миссию. Или за свою старую шею.

Я позволила служанкам вертеть мной, как куклой, пока они ловко оборачивали меня слоями ткани, завязывали пояса, поправляли складки. Это было унинительно, но чертовски эффективно.

— Господин Вэнь Бо, — сказала я так же тихо, глядя прямо на него. — Много случилось за дорогу. Я многое передумала.

— Но, Ваше Высочество, — он зашептал еще отчаяннее, — вы должны помнить наставления вашего почтенного отца. Вы должны быть кротким цветком, нежной ивой. Только так вы сможете выполнить свою миссию и, может быть, вернуться домой с честью. Без брака возврата нет. Вы понимаете? Никакого!

Ах, да. Миссия. То самое задание от военачальника, который держал в страхе настоящую Гао Лань. Убить принца Суань Лина. Внести раздор. Ослабить страну изнутри. А потом, вероятно, самой же и сгореть в этом пожаре. Прекрасный план, просто замечательный.

Служанка в это время пыталась уложить мои черные волосы в невероятно сложную прическу, втыкая в нее шпильки с жемчужинами. Я поймала свой взгляд в медном зеркале. В нем смотрела на меня чужая, прекрасная девушка, в глазах которой горел холодный, практичный огонь Галины Ивановны.

— Господин Вэнь Бо, — сказала я твердо, все еще шепотом. — Забудь о той миссии.

Он ахнул, будто я воткнула ему одну из этих шпилек в бок. Между прочим, ими реально можно убивать, я проверила.

— Но...

— Я сказала, забудь, — я не стала повышать голос, но вложила в слова всю свою сорокапятилетнюю усталость от чужих планов. — Я не собираюсь никого убивать. Особенно того, кто и так смотрит на меня, как на ядовитую змею. Это самоубийство. А я, — я сделала паузу, — я, кажется, еще не готова к такому героическому финалу.

Он смотрел на меня, и в его глазах шла борьба. Долг, страх, привычка подчиняться — и шокирующая новизна моего поведения. Он был старым слугой трона. Он видел в принцессе Гао Лань инструмент. А инструмент вдруг заговорил своим голосом и отказался резать.

— Ваше Высочество, ваш отец, он не простит.

— Отцу императору сейчас не до меня, — парировала я, внезапно сообразив. — У него свои проблемы. А у меня свои.

Служанка закончила с прической. Я была одета, причесана, напудрена и превращена в ходячее произведение искусства. Я весила, наверное, килограммов на десять больше из-за всех этих слоев и украшений. Но выглядела сногшибательно. Даже я не могла не признать этого.

Вэнь Бо, видя, что его аргументы разбиваются о каменную стену моего нового характера, беспомощно опустил плечи. Он был старым и умным. Он понимал, что прямо сейчас, перед аудиенцией, спорить бесполезно. Но предостережение он высказал:

— Помните, Ваше Высочество. Один неверный шаг, и вы погубите не только себя. Но и всех, кто с вами. — Его взгляд скользнул по моим котам, которые, замороженные, наблюдали за процессом превращения своей хозяйки в драгоценную вазу.

Вот это был уже весомый аргумент. Я кивнула более серьезно.

— Я помню, господин Вэнь Бо. Поэтому давай перейдем к практическим вопросам. — Я сделала шаг к нему, и мои тяжелые парчовые рукава шуршали. — У меня к тебе деловой вопрос. Личные деньги. Те, что выделены мне на содержание здесь. Их много?

Вопрос был настолько неожиданным, настолько приземленным и далеким от высоких материй долга и миссии, что Вэнь Бо снова открыл рот. Он моргнул несколько раз.

— Личные... деньги? Ваше Высочество, конечно, вам выделено содержание, достойное вашего статуса. Сумма более чем достаточная для любых разумных нужд принцессы на чужбине. Золото, жемчуг, шелк...

— А доступ к ним у меня есть? — перебила я. — Могу я ими распоряжаться? Ну, не сама, через тебя, например.

Он смотрел на меня, пытаясь вычислить подвох, скрытый смысл.

— Теоретически... да, Ваше Высочество. Но для чего? Вам все предоставят здесь, во дворце...

— Просто хочу знать, на что я могу рассчитывать, — сказала я, делая беззаботное лицо, которое, судя по его реакции, не удалось. — На всякий случай. Вдруг захочу купить... ну, не знаю... редкий сорт чая. Или подарить что-то новой подруге. — Я кивнула в сторону Ли Жу, которая в этот момент снова попыталась незаметно прикоснуться к моей накидке, расшитой фениксами.

Вэнь Бо вздохнул, глубокий, усталый вздох человека, который чувствует, что мир сошел с ума, а ему приходится в этом безумии исполнять свой долг.

— Достаточно, Ваше Высочество, — повторил он. — Золотой запас принцессы Гао Лань позволит ей купить несколько таких чайных лавок, если будет угодно.

В его голосе звучала легкая ирония и полная покорность судьбе. Но для меня это была не ирония. Это была музыка. Симфония возможностей.

Я молода, красива, родовита и богата. Да это же самое лучшее, что я узнала. Надо только придумать, как избежать свадьбы, чтобы меня не грохнули, и вылезти из запретных стен.

Объяснять свои вопросы не посчитала нужным. Просто медленно перевела взгляд на Ли Жу. Потом на Жун Мао, который наконец вытер розовую пудру с лица и смотрел на Вэнь Бо с внезапным интересом, как на интересную новую игрушку. Потом на Тай Фэна, который, кажется, снова начал дремать.

Мы переглянулись.

У нас есть деньги. Немаленькие. А значит, есть варианты. Есть пространство для маневра. В этом мире тотальной зависимости, долга и приказов у нас появился свой, маленький, но реальный ресурс. Я теперь реально не хочу возвращаться в свою жизнь.

Лицо Вэнь Бо выражало полную растерянность от этой немой сцены. Он видел, как "принцесса" и ее странные слуги обменялись каким-то глубинным, непонятным ему взглядом, после чего в воздухе, казалось, что-то щелкнуло.

— Хорошо, — сказала я вслух, и голос мой прозвучал странно бодро. — Тогда я готова. Ведите меня, Вэнь Бо, на встречу с императорской семьей. Посмотрим, как нас примут.

Я сделала шаг, и тяжелая юбка зашуршала. Жун Мао и Ли Жу инстинктивно двинулись за мной, стараясь копировать смиренную позу служанок Вэнь Бо. У них получалось ужасно, но сойти за чудаковатых северных слуг, пожалуй, могло.

Тай Фэн открыл один глаз.

— А меня? — спросил он уныло.

— Ты, Тай Фэн, — сказала я, не оборачиваясь, — охраняй покои. От мух, мыслей и прочих напастей.

Он удовлетворенно хмыкнул и устроился поудобнее, чтобы исполнить этот необременительный долг.

Вэнь Бо, проведя рукой по лицу, выпрямился и принял вид важного сановника. Его лицо снова стало непроницаемой маской, хотя в глазах еще плескалась тревога. Он кивнул, и две служанки распахнули высокие двери.

На пороге, в коридоре, выложенном темным деревом, стояла процессия. Стража. Евнухи. Все было серьезно.

Я вдохнула полной грудью, чувствуя, как давит на виски тяжелый головной убор. Впереди была битва. Но впервые с того момента, как я открыла глаза в этом теле, у меня появилось не только отчаяние, но и крошечный, едва уловимый план.

Когда я смотрела дораму, я трепетала от восхищения. Сколько же сил приложили декораторы. Теперь я шла по коридору, и все это было настоящим. Ох, небеса, я едва удерживала в себе желание, чтобы не выскользнуть из процессии, и не спрятать в больших рукавах кусочек камушка.

Коридор, ведущий в тронный зал, казался бесконечным. Он был выложен темным, отполированным до зеркального блеска деревом, а высокие арочные потолки терялись в полумраке. Свет проникал через ажурные решетки окон, ложась на пол длинными пыльными полосами. Впереди — важный и впавший в недоумение Вэнь Бо, за ним я, потом две его служанки, а замыкали шествие Ли Жу и Жун Мао.

Шорох моих шелков и их неуверенные шаги были единственными звуками в этой давящей тишине, если не считать звона украшений на моем поясе и головном уборе.

Я чувствовала, как каждая мышца зажата. Не от страха, а от концентрации, как перед выходом на сцену в самом ответственном спектакле. Только здесь зрители могли не просто освидетельствовать, а отрубить голову.

Ли Жу, идущая за мной, иногда наступала мне на шлейф, а Жун Мао, судя по звуку, то и дело наклонялся, чтобы рассмотреть что-то на полу — то ли отблеск, то ли насекомое. Я молилась всем знакомым и незнакомым богам, чтобы они просто шли ровно и не мяукали.

По сторонам, как неприступные стражники, стояли члены дворцовой стражи в лакированных доспехах. Их лица были неподвижны, взгляды устремлены в пустоту. Они словно были частью интерьера.

Чем ближе мы подходили к огромным, украшенным дверям, тем больше я ощущала тяжелый, пряный запах ладана. Двери бесшумно распахнулись перед нами, будто сами собой.

Тронный зал был огромен, подавляюще велик. Высокие колонны из темного дерева, уходящие ввысь, поддерживали потолок, расписанный золотыми драконами на лазурном фоне. По длинным сторонам зала стояли рядами чиновники в перламутровых халатах. Их лица были обращены к нам, сотни любопытных, оценивающих, враждебных или безразличных взглядов.

И в центре, в конце длинной-длинной алой дорожки, ведущей от входа, на высоком нефритовом возвышении, сидел император Суань Вэй.

Даже с такого расстояния он внушал трепет. Не молодой, но мощный, как старый дуб. Лицо с густой седой бородой, пронзительные глаза под тяжелыми веками. На голове — сложный головной убор с жемчужными подвесками. Он не двигался, но его присутствие заполняло весь зал.

По правую руку от него, на ступеньку ниже, стоял сухопарый, аскетичного вида мужчина в темно-бордовых одеждах. Его лицо было непроницаемо, а острый взгляд сразу нашел меня, будто булавкой приколол к алой дорожке. Канцлер Янь Чжоу. Да, помню, один из основных злодеев истории. Ох, сколько крови он выпил у бедной принцессы.

Слева, почти на одном уровне с тронном, восседала на изящном резном стуле женщина. Идеальные черты, фарфоровая кожа, губы, подкрашенные в алый цвет, сложная прическа, куда выше моей. Главная наложница, Мэй Линь. Ее улыбка была сладкой, как мед, и пустой, как высохший колодец. Она так и не стала императрицей, что ее невероятно раздражало и вызывало в ней ненависть к Суань Лину, чья мать императрицей побывать успела.

Принцы, кстати, тоже присутствовали. Суань Лина я быстро узнала. Он не особенно мне обрадовался. А вот чуть поодаль остановился другой юноша. Он был чуть толстоват, под носом образовалась смешная поросль. Если мне не изменяет память, то звали его Суань Хуа. И он был тот еще фрукт.

Не умный, но и не тупой. Звезд с неба не хватал, но жутко во всем завидовал старшему брату. Мать его во всем опекала и мечтала, что именно Суань Хуа займет трон.

Акстись, болезная. Он же на фоне Суань Лина как бельмо на глазу. Император же не слепой. На что рассчитывает? На хитрого канцлера?

Вэнь Бо замер у начала алой дорожки и склонился в низком, почтительном поклоне. Я, вспомнив в панике уроки этикета из сотен дорам, сделала то же самое, опустив голову и сложив руки в рукавах. Краем глаза увидела, как Ли Жу и Жун Мао неуклюже, с разной степенью успеха, попытались повторить движение. Жун Мао, кажется, чуть не потерял равновесие.

Рано, рано я взяла их с собой.

— Принцесса Гао Лань, дочь императора Гао Цзяня, — громко и четко провозгласил церемониймейстер, чей голос гулко разнесся под сводами. — Почтенная гостья из страны Цинлун!

— Поднимись, дитя, — раздался голос императора. Он был низким, густым, властным, но без явной неприязни. — Добро пожаловать под кров нашего дома. Долгий путь ты преодолела.

Я выпрямилась, подняв глаза.

— Благодарю, мой император, — сказала я теми цветистыми, заученными фразами, которые, к удивлению, всплыли в памяти из глубин сознания Гао Лань. — Мой отец шлет свои почтительные пожелания о процветании и надеется, что этот союз принесет нашим народам долгожданный мир и процветание.

— Так и будет, — император кивнул, и его взгляд на мгновение скользнул в сторону Суань Лина. Тот стоял, не двигаясь, лицо — ледяная маска. — Скоро мы отпразднуем свадьбу, и печали прошлого останутся позади.

Казалось, он давал сигнал к началу церемонии объявления даты. Вэнь Бо даже облегченно выдохнул рядом. Я уже отметила, что Суань Лин качнулся, собираясь шагнуть, но тут вступила главная наложница.

— Муж мой, — ее голос был похож на звон хрустальных колокольчиков, сладкий и пронзительный. — Как трогательно видеть эту юную прелесть, такую чистую, такую надежду на мир. — Она обвела зал томным взглядом, давая всем оценить свою поэтичность. — Сердце мое обливается кровью, когда я думаю о том, как мы все жаждем этого счастья. Но... — здесь она сделала искусную паузу, и в зале повисло напряженное ожидание. — Разве можем мы, в своей радости, забыть о тени, что все еще лежит на этом зале? О нашей общей, невыносимой утрате?

Она посмотрела прямо на императора, и в ее глазах блеснули искусственные слезы. Канцлер Янь Чжоу тут же, как верный эхо, подхватил:

— Госпожа Наложница говорит мудро. Светлой памяти наследный принц Суань Мин, ваш старший сын, чья жизнь была так вероломно прервана... — он бросил взгляд в мою сторону, такой тяжелый, что я чуть не отступила. — Не слишком ли поспешно мы пытаемся затмить траур весельем? Будет ли это справедливо к его памяти? Возможно, стоит дать время, чтобы раны хоть немного затянулись. Хотя бы на несколько месяцев.

Так, это не стало сюрпризом. Это я из сериала помнила, и этот момент был мне на руку. Идеально сыгранный дуэт.

Император нахмурился. Его пальцы сжали ручки трона. Он смотрел не на них, а куда-то в пространство, будто видя призрака погибшего сына. Суань Лин напрягся, как струна. Я видела, как его челюсть сжалась. Он хотел что-то сказать, но его положение связывало ему язык.

Вэнь Бо не выдержал. Он сделал шаг вперед, нарушив протокол, его лицо побагровело от возмущения.

— Мой император, простите за дерзость. Почтенная гостья, принцесса крови, прибыла сюда после долгого и трудного пути, следуя договору, скрепленному печатями. Ее отец, император Гао Цзянь, ждет известий о свершившемся браке, который должен положить конец рас-

прямо. Откладывать его — значит проявлять неуважение, ставить под сомнение само слово императора Суань.

Он говорил горячо, но его голос звучал одиноко в огромном, враждебном зале. Чиновники перешептывались. Канцлер смотрел на него с ледяным презрением. Наложница прикрыла рот изящным веером, но в глазах ее плескалось злорадство.

Все взгляды снова уперлись в меня. Что скажет невеста? Оскорбится ли? Зарыдает? Будет умолять? Так вела себя настоящая Гао Лань в сериале. Она тогда расплакалась, что окончательно убедило всех в ее слабости и дало наложнице козырь: "Видите, какая нестойкая, не достойна быть женой наследника".

Я чувствовала, как Вэнь Бо смотрит на меня с отчаянной мольбой. Как Суань Лин сжигает меня холодным взглядом, ожидая, какую же глупость я сейчас выдам. Как сотни придворных ждут зрелища.

Кусайте локти, свидетели моего возвышения. Я тоже умею красноречиво говорить, я через суд разводилась.

Опустив глаза, приняв вид смиренной девы, я сделала шаг вперед, на самую середину прохода между рядами чиновников. Потом подняла голову и обратилась к трону, но так, чтобы мой голос, чистый и звонкий, разнесся по залу.

— Император Суань Вэй, позвольте мне, принцессе, высказать свое смиренное мнение.

Император, оторвавшись от своих мыслей, с удивлением посмотрел на меня. Он ожидал истерики, а не тихой просьбы. Ну, не так чтобы я от истерики была далека...

— Говори, дитя.

— Благодарю вас. — Я снова склонила голову. — Слова почтенной госпожи Наложницы и мудрого канцлера... они истекли из самых добрых и печальных сердец. Чтить память павшего героя — долг каждого. И я, прибывшая из страны, которую также коснулась эта тень войны, понимаю это как никто другой.

Я сделала паузу, давая словам просочиться. В зале стало тихо. Даже наложница перестала вертеть веером.

— Однако, — продолжила я, чуть усиливая голос, — брак — это не просто веселье. Это союз. Доверие, основа для будущего. И раз уж речь идет о таком важном деле, как мир между нашими великими державами... разве можно строить его на спешке или, не дай Небо, на недопонимании?

Я видела, как Вэнь Бо побледнел. Он думал, я веду к отказу. По его мнению, я все утро вела себя неправильно. Канцлер прищурился. Наложница наклонилась вперед, заинтересованно.

— В моей далекой северной стране, — сказала я, вкладывая в голос нотки простодушной экзотики, — есть старый обычай. Прежде чем скрепить союз, жених и невеста могут... присмотреться друг к другу. Пройти короткий путь взаимного узнавания. Не для того, чтобы отказаться, но для того, чтобы будущий союз был крепким, как скала, а не хрупким, как осенний лед.

Фух, звона как я умею.

В зале пронесся шепоток. Никто не слышал о таком обычае. Потому что я его только что выдумала, на ходу. Вдохновившись, кажется, передачей про отношения, которую я иногда смотрела в перерывах между дорамами.

— Срок этого периода недолог, — поспешила я добавить, видя, как император задумался. — Всего семь дней. Семь дней, чтобы рассеять случайные тучи недоверия, чтобы наследный принц мог убедиться, что я не несу в сердце зла, а я... чтобы понять глубину его доблести и мудрости, о которых так много слышала. — Я рискнула посмотреть на Суань Лина. Его лицо было абсолютно нечитаемо, но в глубине черных глаз, казалось, промелькнула искра чего-то — то ли ярости, то ли жгучего интереса. — После этих семи дней, если воля Неба

и воля Сына Неба останутся неизменными, мы с радостью и чистым сердцем примем ваше благословение.

Я замолчала и опустила голову, изображая покорность судьбе и традициям. Внутри же все ликовало. Неделя! Целая неделя отсрочки! Не месяцы, как хотели наложница с канцлером, а всего семь дней. Это выглядело как разумный, почтительный компромисс, а не как протест. А я не Гао Лань, я за неделю тут развернусь.

Вэнь Бо ахнул, но уже по другому поводу. Он смотрел на меня, будто впервые видел.

Император Суань Вэй медленно кивнул. Его тяжелый взгляд скользнул по наложнице, по канцлеру, задержался на неподвижном Суань Лине.

— Необычный обычай, — проговорил он наконец. — Но мудрый. Он говорит не о бегстве, а об ответственности. Он показывает, что принцесса Гао Лань думает не только о своем положении, но и о прочности будущего союза.

Он говорил это громко, на весь зал. Его слова были приговором для интриганов. Они хотели затянуть на месяцы — они получили неделю. И при этом император публично хвалил меня за "мудрость и дипломатичность".

— Пусть будет так, — провозгласил император. — На семь дней объявляется период "чистых взглядов". Принцесса Гао Лань остается нашим почетным гостем. Наследный принц, — он посмотрел на сына, — надеюсь, ты используешь это время достойно.

Суань Лин склонил голову в формальном поклоне. Ни слова. Но я чувствовала, как его взгляд, тяжелый и колющий, впивается мне в спину, когда я снова кланялась императору.

— Спасибо за вашу похвалу, — не примянула отозваться я.

Фух, отсрочку, я, кажется, получила.

Процессия тронулась в обратный путь. Мы шли по той же алой дорожке, но теперь за спиной я чувствовала не просто любопытство, а вихрь пересудов, удивления и злобного шипения. Я шла, высоко держа голову, стараясь не споткнуться о собственный шлейф. Ли Жу и Жун Мао шли за мной, и я почти физически ощущала, как они распушают хвосты от гордости за хозяйку. По крайней мере, мне так хотелось думать. Еще хотелось думать, что удлиненные платья хвосты их не покажут.

Вэнь Бо, выйдя из зала в боковой коридор, обернулся ко мне. Его лицо все еще выражало легкий шок, но в глазах появилось что-то новое — не страх, а осторожная, опасливая надежда.

— Ваше Высочество, этот обычай... — начал он.

— Старый, очень старый обычай, господин Вэнь Бо, — перебила я его, сияя самой невинной улыбкой. — Прабабушки моей прабабушки его чтили. А теперь, кажется, мне нужно хорошенько отдохнуть после такого напряженного дня. И подумать... как же лучше обаять принца.

Я повернулась и пошла по коридору к своим покоям, чувствуя, как тяжелый головной убор наконец-то перестает давить на виски.

Дверь в мои покои закрылась за нами с таким глухим, окончательным стуком, будто отсекала целый пласт реальности.

Я прислонилась спиной к резным деревянным створкам, закрыла глаза и выдохнула так, будто держала воздух в легких все время, пока мы шли обратно по тем бесконечным коридорам. Тяжелый головной убор невыносимо давил на виски.

— Можно снять эту дурацкую... конструкцию? — пробормотала я, уже срывая с себя первую шпильку. Жемчужины зазвенели, упав на циновку.

— Хозяйка! — Ли Жу уже была передо мной, ее зеленые глаза горели нетерпением, а серые ушки (которых, к счастью, под прической не было видно) подрагивали от любопытства. — И чего ты добилась?

Жун Мао, сбросивший свой серый халат в угол, подскочил к низкому столику и с жадностью начал рыться в стоявшей там фарфоровой посуде в поисках хоть какой-то еды. Еду, кстати, принесли. Тай Фэн, как и ожидалось, не сдвинулся с места. Видно, когда еду принесли, он успел обожраться. Теперь же он дремал в том же солнечном пятне, которое теперь снова было теплым, и лишь приоткрыл один глаз, демонстрируя минимальную заинтересованность.

Я, стягивая с себя верхнюю парчовую накидку, смотрела на Ли Жу и чувствовала странное, почти материнское умиление. Она не просто мяукала и терлась об ноги. Она задавала вопрос. Осмысленный, стратегический вопрос.

— Ли Жу, — сказала я, наконец освободив шею от давящего ворота. — Ты начинаешь соображать.

Она надула губки, но в глазах сверкнула гордость.

— Я же не дура. Ты там такая важная шла, все на тебя смотрели. И ты говорила не просто так, а с... с каким-то смыслом. Я почувствовала.

Жун Мао, явно что-то съев, обернулся, облизывая губы.

— Да, хозяйка, твой голос был громкий. Я слышал, даже когда мы стояли сзади. Ты прямо как та птица на рассвете, которая всех будит. Только без еды в конце. Жаль.

Да что нужно, чтобы прокормить этих троглодитов? Они теперь разговаривают, это супер, но все беседы сводятся к еде.

Я скинула наконец последний тяжелый слой и осталась в простой нижней одежде из тонкого шелка. Блаженство. Плюхнувшись на пол рядом с низким столиком, я вздохнула.

— Ладно, слушайте, команда. Краткий разбор полетов. — Я посмотрела на всех троих. Тай Фэн, кажется, даже второй глаз открыл. — Император Суань Вэй хочет этой свадьбы. И хочет быстро. Ему нужен мир с моей... то есть, с нашей страной Цинлун. Внешний мир, чтобы можно было разбираться с врагами внутренними.

— Внутренними? — переспросила Ли Жу, усаживаясь напротив меня по-турецки, но так неуклюже, что чуть не завалилась набок.

— Его жена. Вернее, главная наложница. Та самая красotka в розовом. И канцлер — этот сухой, как щепка, старик. Император в них не верит. Подозревает, что это они виноваты в смерти его старшего сына. — Я поморщилась, вспоминая ледяной взгляд Суань Лина. — А мой жених, наследный принц, и вовсе считает, что это моя семья его брата убила. В общем, идеальная почва для счастливой семейной жизни. Один сплошной курорт.

Жун Мао присвистнул.

— Запутано.

— Именно, — кивнула я. — И в этот запутанный клубок вплетена наша с вами драгоценная шея. Императору я выгодна как живая печать на мирном договоре. Наложнице и канцлеру я пока выгодна, чтобы выдать меня замуж не за наследного принца, а за второго. Самому принцу я, кажется, вообще не нужна. Ни живая, ни мертвая. Разве что как объект для вымещения злости.

В комнате повисло молчание. Даже Тай Фэн перестал мурлыкать.

— То есть... нас всех хотят, но если надо, убьют? — тихо спросила Ли Жу.

В ее голосе не было страха, скорее, обида. Как у кошки, у которой отняли любимую игрушку.

— В оригинальном сюжете — да, — честно сказала я. — В этой дораме бедная дура Гао Лань была главной героиней, но вся ее роль заключалась в том, чтобы страдать, плакать, влюбляться в того, кто ее ненавидит, и в конце концов красиво умереть, дав принцу повод для мести. Она прошла через унижения, предательства, отравления... — я посмотрела прямо на Ли Жу. — И ее ближайшую служанку, кстати, тоже убили. Прямо на ее глазах. Чтобы добавить.

Ли Жу замерла. Ее зрачки сузились до тонких вертикальных щелочек. Шерсть на ее хвосте (который тут же вылез из-под простой юбки) взъерошилась.

— Убили? Служанку? — ее голос стал низким, почти рычащим. Это был уже не писк испуганной кошечки, а голос хищницы. — За что?

Ну тут она догадалась, что она моя служанка. Утром не догадалась, а сейчас здравствуйте.

— Такова была воля сценариста, — горько усмехнулась я. — Чтобы героине было больнее и страшнее. Чтобы зрители плакали.

— Ли Жу прикончат? — уточнил Жун Мао..

Тай Фэн, наконец, поднял голову.

— Что там с Ли Жу? Мы же про Ларису, я правильно запомнил?

Я закатила глаза. С кем я обсуждаю стратегию? С котами?

— Давайте остановимся на том, что никто никого не убьет, — прервала панику я. — Во-первых, я бы к Ли Жу лишний раз не подходила, у нее когти, хвост...

— И я на шкаф могу залезть, — вставила она.

— И это тоже важно, — я кивнула. — А во-вторых, мы то не терпили. Мы попробуем за семь дней избежать свадьбы, выбраться из дворца и заняться чем-то общественно полезным.

— Только псов бродячих не корми, — флегматично заключил Жун Мао.

— Чего? Псов? — не поняла я.

— Ну, я заметил, что женщины в твоём возрасте подкармливают псов. Собаки — наши враги. Не корми их, короче.

— Рыжик, а по-твоему, — я посмотрела в его наглые, раскосые глаза, — сколько мне сейчас лет?

— Сто? — брякнул он.

Дальше разговор не клеился, потому что я нашла метлу и гоняла рыжего подхалима до талого. Сто? Ну, капец. Я в восемнадцать вернулась.

Прогнав евнухов, читай, моих котов, я осталась с Ли Жу. Отчего-то с ней сразу сложились самые близкие отношения. И это даже на реальный мир распространялось.

Она лениво потянулась, лежа на моей кровати.

— Ты же что-то придумала, хозяйка?

— Пока нет, — мотнула я головой. — Но у нас есть неделя. Семь дней. И за эту неделю надо придумать, как сделать наше положение менее шатким. Или, в идеале, отменить эту свадьбу так, чтобы нас не объявили врагами государства и не казнили.

Ли Жу вдруг задумалась, глядя куда-то в пространство. Потом вздохнула, томно и мечтательно.

— Мужчины тут, конечно, ничего так. Тот принц — холодный, но красивый. А тот, с шрамом, рядом с ним... ммм. От таких даже умереть, может, и не жалко. В кино так всегда: красиво страдают, обнимаются, музыка играет...

Я фыркнула, отхлебнув воды из пиалы.

— Ли Жу, дорогая, смотрю, ты не только политиком становишься, но и романтической героиней. Но позволь тебя разочаровать. Эти "красавцы" — они на вид-то статные, а на деле... — я прищурилась, вспоминая стройную, но не богатырскую фигуру Суань Лина, поджарость Чжэн Фэя. — Щуплые что ли. Хлипкие. Такого в порыве страсти ногами нечаянно пережмешь, и хребет сломаешь.

Отдых — понятие растяжимое. Для Тай Фэна отдых — это лежать, не шевелясь, в идеально подобранном солнечном пятне. Для Жун Мао — пробежаться по комнате пять кругов, запрыгнуть на шкаф, скинуть оттуда вазу (к счастью, пустую) и успокоиться. Для меня — сбросить эти дурацкие слои шелка, надеть что-то простое и тихо посидеть, глядя в стену, пытаясь заставить мозг работать, а не сходить с ума от абсурда.

Я как раз перешла в стадию "смотреть в стену", укутавшись в легкий халат и попивая теплый травяной чай (вино нам не подавали, и это к лучшему), когда в покоях произошло очередное землетрясение.

В дверь не постучали, ее распахнули. Со всей подобающей случаю помпой и ледяным сквозняком.

В проеме, заслонив собой весь свет из коридора, стоял Суань Лин, все такой же айсберг в человеческом облике, и его тень — Чжэн Фэй. Они вошли так, будто были тут как дома, а мы — незваные гости, застигнутые на месте преступления.

Жун Мао, застигнутый врасплох посреди своего пятого круга, и, конечно, на шкафу, замер в полуприседе, издав странный звук, похожий на "мрр-ах?".

И я клянусь, я не буду объяснять его поведение принцу. Потому что только приличные люди заслуживают объяснений, а он ворвался, и о себе не предупредил.

Тай Фэн лишь приоткрыл один глаз, оценил уровень угрозы (высокий) и солнечного света (не изменился), после чего решил не тратить энергию и закрыл его снова. Ли Жу, которая только что пыталась приладить себе на голову мою отложенную шпильку, резко обернулась, и шпилька со звоном улетела под кровать.

Я медленно, демонстративно, поставила пиалу на столик. Сердце, предательски, колотилось где-то в горле, но лицо я тренировала все утро. Безразличное. Ну, или почти.

— Ваше Высочество, — сказала я, не вставая. Пусть сочтут за дикость северных нравов. — Какой неожиданная... честь. Уже настолько соскучились за час, что не могли дожидаться приглашения?

Суань Лин проигнорировал сарказм, как игнорируют лай дворовой собаки. Его взгляд, тяжелый и аналитический, медленно прополз по комнате: замерший в нелепой позе Жун Мао, на спящем Тай Фэн, на мне, сидящей на полу в небрежном халате.

В уголке зрения я увидела, как Чжэн Фэй тут же, с профессиональной холодностью, начал сканировать покои, будто ища спрятанное оружие или потайные ходы. Его взгляд на секунду зацепился за Ли Жу, которая старалась изобразить из себя невинную статуэтку у ширмы.

— Принцесса Гао Лань, — начал принц. Его голос был ровным, без эмоций, но в нем чувствовалась стальная пружина, готовая распрямиться. — Твое выступление в тронном зале было впечатляющим. Неделя, чтобы присмотреться. Остроумная выдумка.

Он сделал паузу, давая мне понять, что раскусил блеф с полуслова.

— Но семи дней тебе не хватит. Ни на что. Ты ничего не добьешься. Никакого "узнавания" не произойдет. Ты лишь продлила свою агонию и заставила двор судачить о твоих странных обычаях.

Он сделал шаг вперед, и пространство комнаты внезапно сжалось. От него веяло холодом и властью.

— Умный совет, принцесса: используй эти дни, чтобы подготовиться к обратной дороге. Я поговорю с отцом. Скажу, что ты... не оправилась от тягот пути, что тебе нужен покой на родине. Мы найдем формулировку. А ты соберешь своих... слуг, — его взгляд с легким презрением скользнул по Жун Мао, все еще сидевшим высоко, — и уедешь. Пока еще можешь уехать с миром. Потом будет поздно.

Стало еще тише. Жун Мао затаил дыхание. Даже Тай Фэн, кажется, прислушался.

А в груди у меня закипело. Оно, конечно, кипело там с утра, но сейчас это был уже не тихий ропот, а настоящий бурлящий котел. Этот наглец в шелках думал, что может прийти, надавить и вышвырнуть меня, как надоевшую служанку? После того как я отплясывала частушки и выкручивалась перед его папашей?

Я медленно поднялась. Не в порыве, а с какой-то леденящей, спокойной яростью.

— Котики, выйдите.

Котики послушались, а принц изумился.

— Котики?

— Так люблю их, — играючи прижала ладонь к сердцу, — они для меня котики.

Лариса, единственная чертовка, меня не послушалась, встала возле Чжэн Фэя, словно специально напрашивалась.

И ладно, личная служанка здесь не вызывает удивления.

Я шагнула к Суань Лину, ощущая, как меня переполняют эмоции.

— Возвращаться? — переспросила я, и голос мой прозвучал тихо, но отчетливо, будто лезвие, проведенное по шелку. — В мою страну? После того как меня, принцессу крови, привезли сюда как товар по договору, а теперь предлагают тихонько слинять, потому что я... что? Не оправилась? Не понравилась? Принц Суань Лин, да ты послушай себя.

Он слегка откинул голову, брови поползли вверх. Его не ожидали такой прямой атаки.

— Ты думаешь, мне охота выходить за тебя замуж? — продолжила я, делая шаг навстречу. Мы теперь стояли почти нос к носу. От него пахло каким-то дорогим, терпким благовонием. — Ты — не подарок. И я не желаю себе такой судьбы. Будь моя воля, мы бы никогда не встретились.

В глазах Суань Лина вспыхнул опасный огонь. Он не привык, чтобы с ним так разговаривали. Чжэн Фэй сдвинулся с места, готовый вмешаться, но принц едва заметным жестом остановил его.

— Тогда чего ты хочешь? — прошипел он. — Зачем вся эта комедия?

— А ты такой умный, сам догадайся, — парировала я. — Но раз спрашиваешь... Хорошо. Ты не хочешь жениться. Я не хочу замуж. Император хочет мира. Давай заключим свою сделку. — Я выдержала паузу, давая словам осесть. — Сам устрой мне... торжественное прощание. Не позорное бегство "больной невесты", а официальную церемонию. Сделай так, чтобы принцесса Гао Лань не бежала в свою страну, а осталась, не выходя замуж. Мало ли причин? Мне не нужен титул, мне хватит заключения. Донеси до отца, что я могу стать почетной пленницей.

Не то чтобы я к такому стремилась, но пока думала, вспомнила, что подобных почетных пленников было множество. Даже страшный и ужасный граф Дракула когда-то томился на турецких берегах (да, у меня черный пояс по сериалам). На его роль не берусь, я еще страдаю любовью к ближнему и не садистка, но чисто теоретически, меня можно оставить, не жениться, и еще страну рядом терзать моим положением. Выгодно же.

А учитывая, какие здесь все благородные, то выгодно вдвойне. Пытать меня не будут, просто лишат удовольствия, но я уже выяснила, что у меня есть собственные средства.

— Скажи, что принцесса Гао Лань, — предложила я, — движимая благородством и скорбью о прошлых расправах, добровольно остается в столице в качестве... почетной пленницы. Заложницы мира. Титул невесты с меня сними. Оставь просто титул принцессы. Дай дом на отшибе, можно маленькое содержание. И чтобы по столице передвигаться могла. Под присмотром, конечно, — я кивнула в сторону Чжэн Фэя. — Твоего цепного пса можешь приставить.

Чжэн Фэй, услышав это, даже бровью не повел, но его взгляд стал еще острее. Суань Лин смотрел на меня, как на сумасшедшую. Возможно, я ею и была.

— Ты просишь... чтобы тебя объявили пленницей? Добровольно? — он не мог поверить в то, что слышит.

— А что, плохой вариант? — я развела руками. — Тебе развязаны руки, никакой нежеланной жены. Императору его "печать мира" на виду, живая и не вызывающая скандалов. Мне... мне не надо возвращаться к отцу с позором и выполнять его идиотские приказы. Все в выигрыше. Ну, кроме, может быть, твоей мачехи, которая явно надеялась на скандал покрупнее.

Он молчал. Его мозг, привыкший к сложным, непредсказуемым дворцовым интригам явно буксовал, пытаясь вычислить в моем предложении скрытый яд, ловушку, двойное дно. А его не было. Только отчаянная, голая прагматика уставшей от чужих игр женщины.

В этот момент с другого конца комнаты донесся приглушенный, но очень эмоциональный диалог.

— ...и не смей трогать мою шпильку! Это хозяйкина! — это шипела Ли Жу.

— Я не трогал твою шпильку. Я смотрю, что вы прячете за ширмой, — отвечал голос Чжэн Фэя, ледяной и безразличный.

— Там ничего нет! Там личные вещи принцессы! Ты что, в женское белье лазить будешь? Пошел вон!

— Моя обязанность — проверять все. Отойди.

— Проверять, тогда смотри..

Последовал звук легкой потасовки и недовольное ворчание. Ли Жу закидывала Чжэн Фэя женскими сорочками. Если честно, выглядело даже красиво и поэтично.

Глава Министерства наказаний отбивался как мог, но какие-то юбки оставались в его руках. Он напоминал мне новогоднюю ель, которую закидали лифчиками. Ну, благо, в этом мире лифчиков нет, а то бы их стыд не знал границ. Да, месть достойная кошки.

Суань Лин застыл, я тоже. Интересно же.

Это было настолько нелепо, настолько выбивалось из атмосферы нашего напряженного диалога, что у меня внутри что-то дрогнуло. Уголки губ сами потянулись вверх.

Принц был ошарашен. Он посмотрел на своего невозмутимого друга, которого отчитывала взъерошенная девчонка-служанка, потом снова на меня.

И вдруг, самое невероятное — уголок его строгого, каменного рта дернулся. Всего на миллиметр. Настолько быстро, что я могла это и придумать.

Он обернулся ко мне, и в его взгляде появилось нечто новое. Не презрение. Не гнев. Сложная смесь досады, недоумения и... любопытства. Как будто он увидел не политическую соперницу или надоевшую невесту, а новую, очень шумную и непредсказуемую породу птицы, залетевшую в его идеально упорядоченные покои.

— Хорошо, — неожиданно сказал он.

— Что "хорошо"? — не поняла я.

— Твое предложение. Почтенная пленница. Дом на отшибе. Содержание. И... наблюдение. — Он кивнул в сторону Чжэн Фэя, который наконец отступил от шипящей Ли Жу, сохраняя каменное лицо, отбрасывая предметы женского туалета — Я предложу это отцу.

Теперь ошарашена была и я. Как-то не верилось в такое легкое повиновение. Ожидала споров, сопротивления, а он... согласился. Просто взял и согласился. Пожалуйста, боги, пусть в этом точно не будет замешано белье Гао Лань, иначе как-то двояко.

— О... отлично, — выдавила я, внезапно чувствуя, как почва уходит из-под ног. Я доби-лась своего. И теперь было страшно.

— Но запомни, Гао Лань, — он снова сделал шаг ближе, и его голос упал до опасного шепота, который слышала только я. — Ты теперь под моей ответственностью. Под наблюдением моих людей. Один твой неверный шаг, одна твоя странная выходка, которая навредит стране, и никакой статус почетной пленницы тебя не спасет. Ты станешь самой обычной. И с тобой поступят самым обычным образом. Понятно?

Я глотнула, после кивнула.

Он отступил, снова превратившись в холодную статую наследного принца.

— Чжэн Фэй, идем. Есть что обсудить.

Дверь закрылась.

Я медленно опустилась на пол. Руки дрожали.

— Хозяйка? — тихо подошла Ли Жу. Ее ушки были прижаты. — Это... это хорошо? Простите, я тут немного разъярилась.

— Об этом в курсе, ты даже молодец, — посмотрела я на кошечку. — Мы, кажется, добились, чего хотели, но...

— Но? — застыла Ли Жу.

— Но променяли одну клетку на другую. Зато... с большим вольером для прогулок.

Глава 4. Галя

На следующий день я словно свыклась с новой ролью. И признаться честно, мне многое нравилось. Наряды безумно красивые, украшения. Новая внешность сделала из меня куколку. Правда, еще пугала перспектива, что куколку по сюжету планируют прикончить, но не буду думать о грустном.

Мне прислали местных служанок. Наверняка, чтобы они доносили. Я не была против, так как важное обсуждалось только с котами наедине, а в остальном помощь умелых горничных мне была необходима потому...

Потому что три уже не пушистых недоумка создавали проблемы.

Служанки внесли воду для утреннего умывания и передали тазик Ли Жу. Ли Жу округлила взгляд, донесла тяжелую ношу до стола, а потом начала тыкать в таз пальцем и шипеть. К ней присоединился и Жун Мао, а вслед подошел Тай Фэн. Шипеть, естественно, никто не переставал.

Бедные горничные напряглись, наблюдая за всплесками ненависти котов к оружию массового поражения, а я хлопала себя по лбу, размышляя, как бы объяснить всеобщее сумасшествие.

А если не можешь ничего объяснить, то лучше нападай.

— Вы, что, — взвизгнула я, — подлили мне яд?

Мало ли что творят в гареме.

Все девушки бросились на пол и зарыдали. Я пока не постигла верх умения мгновенного вызова слез, отчего родился вопрос:

— Да что происходит?

— Принцесса, — подползла одна из служанок, — не гневайтесь. Нам приказали.

— Приказали что? — продолжила недоумевать я. — Реально, там отрава?

— Суй Мин, молчи, — зарычала вторая.

Я сощурила взгляд и подчерпнула немного воды на ладонь. Поднесла остатки влаги к носу. К сожалению, это я выглядела деловито и пафосно, но по факту, я ничего не почувствовала. Все же с видом знатока поднесла пальцы к носу Ли Жу.

— Ли Жу, ответь, мне что-то подмешали?

Моя нежная и ласковая киса принялась, потом скривилась, потом чуть не изобразила радужную тошноту, но, слава местным богам, сдержалась.

— Хозяйка, здесь нет ничего такого, совсем чуточку цветочных масел. Жасмин и роза, кажется.

И че это ей роза не понравилась? Как сырую печень и рыбу нюхать, так с кухни не согнать, а тут ей розы не подошли.

— Видите, принцесса, здесь нет ничего такого, — повторила за Ли Жу пришедшая горничная.

Нет то нет, зато я вспомнила, что главная наложница, желая избежать заключения свадьбы, планировала отсрочить дату, вызвав у Гао Лань аллергию. Как водится, у Гао Лань аллергия имелась... на розы.

Аха, из этого вытекает две проблемы. Кто-то уже доносит Мэй Линь все сведения обо мне, и буду надеяться, что это не Вэнь Бо. Во-вторых, семь дней главной наложнице показалось мало. Она захотела утвердить и увеличить результат. Ходила бы прыщавой и красной не меньше месяца. Какая неугомонная женщина.

— Прочь, и воду вашу заберите, — всплила я, заодно вылив таз на служанок.

Они запищали, расплакались пуще прежнего и поползли к дверям, успев ее закрыть прежде, чем медный таз догнал их.

Не люблю быть строгой и злой, но пусть Мэй Линь не расслабляется. Не буду я здесь скромно ходить и покорно все выносить, как это делала настоящая принцесса.

Обернувшись на котов, я восхищенно произнесла:

— Неужели вы вспомнили про аллергию Гао Лань? Я восхищена, я то полагала, вы тупо за двигающимися человечками смотрели, на мне полежать хотели. А вы и сюжет усвоили, и меня спасли.

Жун Мао потупил глаза.

— Ну, вообще-то нет, хозяйка. Мы тупо воду не любим.

Да, глупый вопрос я задала.

— Ладно, — закатила я глаза. — Ли Жу, теперь у тебя есть важное задание. С этого дня ты нюхаешь все, что мне подносят. Благовония, цветы, масла, духи. Не хочу приключений с розами.

Кошечка улыбнулась.

— А я могу еду твою есть, — благородно предложил себя на роль проверяющего Тай Фэн. — Есть же в твоих картинках такая должность.

Из чего я заключила, что сюжет они все-таки запоминали, но хитросплетения интриг и романтические сцены интересовали их в последнюю очередь. Вот что-то про еду, это да.

— Прости, — усмехнулась я, — котов у меня всего трое. Будем пользоваться теми людьми, которое предоставляет государство.

— Вот всегда ругалась на социальную помощь, а сейчас государство, государство, — забубнил Тай Фэн.

— Хватит, у нас как бы осталась проблема с тем, что вы не можете помыться, — присмотрелась я к троице. Ли Жу, ты вообще девушка.

— В первую очередь я кошка, — красиво взмахнула она выпущенными волосами из под основной прически.

— И завтра начнешь вонять. Сегодня занимаемся бытовыми вопросами. Вы, — уставилась на парней, — ищите, где помоеетесь вы, а Ли Жу... — не доверяла я этой зеленоглазой красавице. — Ли Жу со мной останется.

Евнухи, точнее, мои коты, переглянулись. Учítывая, что я добавила веса своим словам, пообещав отмыть их также, как и сбегавший от меня слуганок, Тай Фэн и Жун Мао прониклись.

— И потом в песочной куче не валяться, — взяла с них обещание.

Они хоть и были в реальности домашними котами, но иногда я вывозила их на свою старую дачу. Там они с удовольствием плюхались в песок, нежась на солнышке и поджаривая косточки. И я ждала зимы, чтобы снова вывести их на дачу, и они побежали по снегу. А то я тоже не самоубица — огромных котов в своей маленькой ванне отмывать. Приехал бы через несколько недель наряд полиции, вскрывал бы дверь моей однушки, чтобы отыскать бездыханное тело разведенки, которую от страха перед водой разодрали.

День, надо сказать, выдался на удивление спокойным. И даже, я бы сказала, подозрительно идилическим. После утреннего побоища с тазом и розовой водой все как-то устаканилось.

Коты отмылись, но судя по их обиженному виду, это процедура стала сродни экзекуции.

Ли Жу мылась со мной, в отдельном покое за ширмой, и процесс больше напоминал дрессировку дикой пумы. Она то пыталась ловить ладонью струи, то внезапно начинала выливать собственную руку, забыв, что теперь у нее не шершавый язык, а гладкая кожа. В конце концов, я просто села ей на спину (слава богу, я теперь была легкая) и довела мытье до конца, приговаривая сквозь зубы: "Я вырастила тебя из слепого комочка, я тебя и умою".

Мда, почти как Тарас Бульба заговорила.

К вечеру все трое сияли чистотой, пахли сандалом и имбирем и были невероятно красивы. И, что самое главное, послушны. Никто не сбежал в сад валяться в пыли, никто не стащил со стола жареную утку, а дождались своей очереди. Они степенно сидели на циновках, изредка почесываясь или облизывая губы, и выглядели как настоящие, хоть и немного странные, слуги. Это меня даже немного умилило. Ну, почти.

Но к вечеру на меня напала тоска. Праздное безделье, когда вокруг плетут интриги, а ты просто жуешь засахаренные фрукты и глазеешь в окно на чужие сады — это невыносимо. Я привыкла шевелиться: в магазине вечно бегала, дома вечно были хлопоты с тремя прожорливыми ртами и готовкой, а тут... тишина. Красивая, ароматная, и очень опасная тишина. Но коты ей наслаждались. Тай Фэн уже храпел в углу, свернувшись калачиком на подушке. Предатели.

На следующее утро, сразу после завтрака к нам снова явился Лян Дэ.

— Ваше высочество, — его голос звучал как шепот, — Ее Высочество, почтенная наложница Мэй Линь, выражает желание насладиться вашим обществом за чашкой утреннего чая. Она просит вас пожаловать в ее покои "Летящего Феникса".

Дождалась. Ну, после вчерашнего экспромта я бы даже удивилась, если бы меня не позвали. Наложнице жизненно необходимо узнать, кем я являюсь, буду ли приносить проблемы.

— Передай Ее Высочеству, что я смущена и польщена таким вниманием, — ответила я сладчайшим голосом, который только смогла изобразить. — Я явлюсь, как только приведу себя в должный вид.

Лян Дэ еще ниже склонился и растворился за дверью, будто его и не было.

"Привести себя в должный вид" оказалось отдельной эпопеей. Ли Жу, узнав, куда меня зовут, пришла в дикое возбуждение и начала таскать из гардероба все подряд: платье с вышитыми фениксами, халаты с драконами, накидки, от которых слепило глаза.

— Хозяйка, на вас должно быть все самое лучшее. Чтобы эта... эта наложница обзавидовалась, — шипела она, запихивая мне в руки веер из павлиньих перьев.

— Ли Жу, дорогая, — осторожно отобрала у нее веер, — мы же не на конкурс красоты идем.

В итоге я выбрала самое скромное платье, чтобы не отсвечивать перед красавицей, которая покорила сердце императора. Прическу велела сделать попроще, без горы шпилек, украсила волосы одной нефритовой шпилькой в виде бутона лотоса. Скромность, девичья чистота и легкая растерянность — вот мой образ.

Покои "Летящего Феникса" находились в другой части внутреннего двора Запретного города. Меня вели через бесконечные галереи с резными решетками, мимо искусственных ручьев, где плавали золотые карпы, и маленьких садиков с карликовыми соснами. Все дышало утонченной, невероятно дорогой гармонией. И везде сновали слуги.

Мэй Линь принимала меня в небольшом павильоне, выходившем на цветущий сад пионов. Было очень красиво.

Сама наложница восседала на низком диване, заставленном шелковыми подушками. Она встала, чтобы поприветствовать меня.

— Принцесса Гао Лань, — склонилась она. — Рада, что вы приняли мое приглашение.

Я сделала несколько неуверенных шагов и тоже поклонилась, потому что вроде по положению мы равны. Я, по-моему, даже повыше буду.

— Как же я могла не прийти, если вы меня пригласили, — бесцветно ответила я, зная, что в дорамах надо просто все за всеми повторять и подытоживать, тогда все участники беседы сочтут разговор вежливым.

— И то верно, — она махнула изящной ручкой с длинными нефритовыми накладками на ногтях. — Садись рядом. Мы ведь вскоре породнимся.

Меня усадили на подушку напротив. Между нами поставили низкий столик из черного дерева, и служанка, не поднимая глаз, разлила ароматный жасминовый чай.

— Ну как ты обживаешься в наших краях, дитя? Не скучаешь по дому? — спросила Мэй Линь, пристально глядя на меня.

Она намеренно назвала меня ребенком, чтобы показать власть надо мной. Мне бы возмутиться, но план состоял не в этом.

— О, Ваше Величество... — я специально ошиблась в титуле и еще задрожала, — все так прекрасно, так необычно. Теперь я всегда боюсь сделать что-то не так. У нас на севере все проще. А здесь такие тонкости, такие правила... Учителя в детстве говорили, что я пренебрегала уроками этикета. Больше любила в саду бегать или сладости есть. — Я прикрыла рот рукавом, изображая смущение.

Пустое лицо наложницы оживилось едва заметной искоркой удовлетворения. Глупенькая. Отлично.

— Но ведь ты здесь с высокой целью, — продолжила она, слегка наклонившись ко мне. — Брак с наследным принцем — это судьба и большая ответственность.

Я ужасная актриса, но с лицом Гао Лань отыгрывать роль стало куда проще. Испуганно прижала пальцы к своим губам.

— Да, Ваше Величество, — прошептала я. — Выйти замуж — это ведь священная мечта каждой девушки. Я так мечтала о благородном супруге, но... но... — я замолчала, сделала глоток чая, чтобы руки тряслись естественнее.

— Но что, дитя мое?

— Но принц Суань Лин, он так грозен! — выпалила я, поднимая на нее полный "искреннего" ужаса взгляд. — Он смотрит на меня так, будто я виновата в смерти его брата. А я даже не знала того принца. И еще, — я сделала паузу для драматизма, — я так боюсь, что он желает мне зла.

— Что ты такое говоришь? — брови Мэй Линь чуть приподнялись. Чувствуя, что я напряжена, она смягчила интонацию. — Не страшись, я позвала тебя, чтобы подружиться. Детали нашей беседы не узнают посторонние.

Ха, да я вообще не такой человек, чтобы в свои поступки смысл вкладывать. Ну, правда, не в этом случае.

— Вчера мне подали воду для умывания. А в ней были масла розы. А у меня... — я всхлипнула, — с детства на розы ужасная сыпь бывает, все лицо покрывается, как будто оспой. Я едва не умылась. Мои слуги меня уберегли. Кто, как не принц, желающий избавиться от нежеланной невесты, мог приказать служанкам сделать такое? Он же открыто меня ненавидит.

Я видела, как наложница что-то в уме стремительно вычисляла. Она, конечно, знала, что это ее рук дело. Но моя наивная трактовка ее только радовала. Для нее я идеальная принцесса: запуганная, глуповатая, видящая угрозу в том, куда ее направили.

— Успокойся, дитя, — сказала она, и в ее голосе впервые появились нотки чего-то, отдаленно напоминающего тепло. — Ты слишком мнительна. Наследный принц человек суровый, но пойти на такое. Не думаю. Наверняка, это какая-то служанка, понадеявшаяся попасть в его гарем.

Но она думала. И думала, что ее план сработал идеально — невеста теперь боится жениха панически.

— О, Ваше величество, — я ухватила за соломинку, протянутую тоном ее голоса. — Я так одинока и напугана здесь. Мне не к кому обратиться. Не могли бы вы быть моей заступницей? Я буду молиться за вас, я буду во всем вас слушаться. — Я даже сделала движение, как будто хочу броситься к ее ногам, но вовремя остановилась, сделав вид, что смутилась собственной порывистости.

Мэй Линь смотрела на меня несколько секунд, а потом ее губы растянулись в широкую, почти материнскую улыбку. Немного ледяную, но жизнь Мэй Линь тоже не сахар.

— Милое, неразумное дитя... Конечно, я вижу, что ты не готова к такому бремени, как брак с Суань Лином. Он требует стальной воли ихитрого ума. Тебе это не подходит. Ты нежный цветочек, тебе нужно солнышко и защита.

Я кивала, изображая облегчение и надежду.

— Знаешь, — она понизила голос, словно доверяя великую тайну, — у меня есть сын. Второй принц, Суань Хуа. Он совсем другой. Добрый, веселый, отзывчивый. Он ценит красоту и нежность. Вот кто стал бы для тебя идеальным супругом. Я все устрою.

Я аж подпрыгнула на подушке, изобразив восторг, достойный наивной пятнадцатилетки.

— Правда? О, Ваше Величество, — я тут же помрачнела. — Но как? Как же это может случиться? Ведь меня обручили с наследным принцем. Император и мой отец...

Ее лицо на миг потемнело. Как и в сюжете, она сначала планировала выдать Гао Лань за сына, но очень поздно узнала, что Гао Лань безумно влюблена в ее врага.

И в этот миг, пойманная волной собственного плана и моей "искренней" реакцией, она проболталась. Ее следующая фраза вырвалась с легким, едва уловимым раздражением:

— Да, есть некоторые сложности. Его Величество император сейчас недоволен мной. Мой непутевый сын, Суань Хуа, имел неосторожность прилюдно поссориться с наследным принцем. Глупая ссора из-за какой-то лошади, но отец разгневан. Считает, что я плохо влияю на него, что сею рознь между братьями. Не самое подходящее время что-либо просить.

Так, вот это уже ценная информация. Значит, второй принц — не просто мамин сынок, а уже что-то вякает. Вякает так, что вступает в открытые стычки с наследником. И император это видит и костерит за это любимую наложницу. Положение ее шатко. Ей нужна победа, нужен козырь. И она видит его во мне — послушной, глупенькой принцессе, которую можно выдать за своего сына, укрепив его позиции браком.

— О, это ужасно, — прошептала я, надув губки. — Наверное, нужно просто подождать, пока гнев императора утихнет?

— Именно так, умница, — кивнула Мэй Линь, снова обретая контроль. — Ты пока просто будь хорошей, скромной девочкой. Ничего не предпринимай. А я подумаю, как нам лучше все устроить. Доверься мне.

"Доверься мне"

Ага, ты, Мэй Линь на мою подружку Лену совсем не походишь. Глаза у тебя хитрые, а еще император тебя заранее подозревает.

Я сделала вид, что обдумываю это великое доверие, глядя в свою почти пустую чашку. Внутри все прыгало от нетерпения. Нужно было подбросить дров в ее костер, но таких, чтобы они не обожгли меня саму.

— Ваше величество... — начала я, застенчиво подняв на нее глаза. — Я так благодарна за вашу заботу. И я сама хочу помочь, чем могу. Я ведь тоже заинтересована. Может быть есть какой-то способ, чтобы свадьба сама отменилась? Не по нашей воле, а так, чтобы все выглядело, как воля небес или древних традиций?

Не пережала? Главная наложница не сочтет меня чересчур умной?

Интерес, естественно, блеснул в ее глазах. Она так не желала моего брака с Суань Лином, что не стала задумываться, есть ли во мне хоть капля разума. Даже самые умные и хитрые допускают ошибки.

— Милая Гао Лань, о чем ты говоришь?

Я заерзала.

— У нас, на далеком севере в империи Цинлун, — я понизила голос, создавая атмосферу таинственности, — есть очень много старинных обычаев. — Я, кстати, не врала. По сюжету Гао Лань тоже пользовалась такими отговорками. Она иногда вспоминала, что она не тупая.

— Не таких изысканных, как ваши, конечно, — продолжила я. — Но император, я слышала, ценит мудрость предков и знамения природы.

— И какие, например, у вас обычаи? — спросила Мэй Линь безразличным тоном, но я видела, как ее пальцы чуть сдвинулись на коленях.

— Ну... — я помедлила, выдумывая на ходу. Ох, надеюсь Вэнь Бо не будет со мной спорить. — Например, перед большой свадьбой лет сто назад всегда сверялись с тремя вестниками. Если хотя бы один подает дурной знак — союз считается несчастливым, негодным духам земли и неба.

— Какими вестниками? — теперь ее интерес был уже нескрываемым.

— Первый — пернатый вестник. Перед обручением жениха и невесту выводят в сад, где живут птицы счастья — сороки или, скажем, яркие зимородки. Если птицы слетаются к паре, поют, это к богатству и миру. А если... — я прикрыла рот рукавом, — если они резко разлетаются, молчат или, не дай боги, начинают драться... это знак раздора, который брак принесет в семью.

Мэй Линь медленно кивнула, в ее взгляде зажглись первые искорки расчета. Птиц можно напугать. Это просто.

— Второй вестник — водный, — продолжала я, разогнавшись. Ах, лети моя фантазия. — Есть такой обряд "золотой карп в мутной воде". В чистый пруд с карпами, символом удачи, бросают две монеты от жениха и невесты. Если вода остается прозрачной, а карпы подплывают и берут монеты — это к изобилию. Но если вода внезапно мутнеет, а рыба уходит на дно, то это значит, что союз принесет смуту и потерю благосостояния. Грязь со дна, знаете ли, поднимается.

Тут я мысленно похвалила себя. Легко устроить, мои коты с этим справятся.

— А третий? — спросила Мэй Линь, ее губы уже складывались в тонкую, довольную улыбку.

— А третий самый важный. Звездный вестник, — сказала я с напускным благоговением. — Дата свадьбы должна быть не просто благоприятной. Она должна быть освящена главным астрологом империи после того, как он учтет знаки первых двух вестников. Просчитает даты рождения жениха и невесты. Если природа показывает несогласие, а астролог, вопреки этому, назначает дату... значит, он либо слеп, либо... — я сделала многозначительную паузу, — либо на него оказано неподобающее влияние. А брак, начавшийся с гнева небес и продажности служителя культа... что он может принести, кроме бед?

Я видела, как в голове у Мэй Линь все складывается в идеальную схему. Испугать птиц, намутить воду в пруду — дело техники. А дальше — главный астролог. Она его точно подкупит или пригрозит.

— Любопытные обычаи, — произнесла она наконец, играя длинным нефритовым ногтем. — И где же у нас водятся эти... птицы счастья? И подходящий пруд?

— О, я уверена, в императорских садах есть и прекрасные сороки, и пруды с карпами, — воскликнула я с наигранным энтузиазмом. — Мы могли бы попросить устроить небольшую церемонию для укрепления союза между нашими народами, конечно. Чтобы все увидели, как мудрость севера сочетается с великолепием вашей империи. Это же будет так зрелищно!

Я играла на ее тщеславии. Зрелищность, демонстрация власти над экзотическими ритуалами — они могли ее зацепить.

— Это можно обдумать, — сказала она, уже явно строя планы. — Но, дитя мое, а если знаки будут благоприятными?

Я притворно сникла.

— О, тогда мне придется смириться с судьбой и с замужеством с грозным принцем, — я снова всхлипнула, но тут же "воспряла духом". — Но нет! Духи севера не ошибаются. Они

всегда предупреждают о беде. Да и если Суань Лин уже ненавидит меня, разве ваш астролог подтвердит, что союз будет безупречен?

Ну, да я супер тактик. Ей даже особенно стараться не надо. Подкупить астролога, а потом рассказать императору про наши обычаи. Даже если будет один из трех, мы уже в выигрыше. Но я была бы не я, если не возьму все три места.

Я совала ей в руки идеальный инструмент.

Не тупи, Мэй Линь, устрой все. С птицами и карпами попробую разобраться сама. Насчет птиц не переживала вообще, но вот карпы вызывали опасения, потому что котики боятся воды. И почему я ничего про мышей не придумала, был бы идеальный вариант.

Главная наложница смотрела на меня долгим, пронизывающим взглядом. Она взвешивала риск и потенциальную выгоду. Риск минимален — всего лишь странный ритуал. А выгода... возможность легитимно, на глазах у всех, дискредитировать идею брака с Суань Лином.

— Ты права, Гао Лань. твои традиции тоже заслуживают внимания, я устрою все, — пообещала Мэй Линь.

Я едва удержалась, чтобы не показать ей большие пальцы. Теперь дело стояло за малым, нам надо решить с птицами, карпами, а еще сделать так, чтобы министр Вэнь Бо нас не выдал.

Возвращалась я в свои покои долго, даже успела заскучать. Меня, видно, специально поселили на отшибе, но враги даже не полагали, что мне это на руку.

Я вернулась к своим котам.

В покоях царила тишина. Тай Фэн уже похрапывал на своей циновке, но его сон был чутким — он открыл один глаз, едва мы переступили порог. Жун Мао моментально устроился у двери, приложив к ней ухо, а Ли Жу принялась нервно вылизывать тыльную сторону ладони, что у нее заменяло процесс мышления.

— Все, конспирация закончилась, — вздохнула я, скидывая парадные туфельки, которые нещадно жали. — Собирайте уши в кучу, у нас работа.

Вкратце, опуская тонкости придворных интриг и свои гениальные, хоть и выдуманные на ходу, пророчества, я обрисовала ситуацию. Суть сводилась к следующему: нужно свадьбу похоронить с помощью птиц, рыб и звезд, а для этого нельзя, чтобы кто-то встал поперек плана и начал кричать: "А вот у нас на севере такого не водилось!".

— И этим "кем-то" является наш дорогой министр Вэнь Бо, — закончила я, глядя на троицу. — Старый министр знает все обычаи Цинлуна вдоль и поперек. Если он начнет опровергать мои сказки про трех вестников при всем честном народе — нам конец. Нас сочтут не просто дурочками, а злостными обманщицами. А это в лучшем случае, обратная дорога домой в клетке, в худшем, местная тюрьма с очень короткой процедурой.

— Значит, надо его... уговорить? — уточнил Жун Мао, и в его золотисто-зеленых глазах вспыхнул тот самый огонек охотника, который я привыкла видеть, когда он выслеживал на балконе голубя.

— Уговорить, — кивнула я, поражаясь, как он назвал куда более жестокую процедуру.. — Только деликатно. Без свидетелей. И чтобы после этого у него не возникло желания побегать с доносом.

— А он сильный? — спросил Тай Фэн с практической точки зрения, лениво потягиваясь. — Много ли весит? Если придется тащить...

— Он старый, Тай Фэн, — успокоила я его. — Худой и, скорее всего, хрупкий. Но это не значит, что можно его пугать до инфаркта. Нам нужен его молчаливый кивок, а не похороны с расследованием. Давайте не опускаться до мокрухи.

И детективы мы с котами тоже смотрели.

План был прост до безобразия: пробраться в покои Вэнь Бо ночью и провести разъяснительную беседу. Благо, расположение комнат старого министра Ли Жу высмотрела еще в первые дни, следуя за запахом какой-то жареной рыбы, которую ему приносили.

Отдаю должное нюху Ли Жу и странной любви министра к вонючей рыбе. Отдаю должное и стараюсь за это не осуждать. Как хорошо, что в этом мире еще не придумали микроволновки.

— Так, а мы вообще способны на вылазку? — уточнила я. Коты превратились в людей, но не растеряли свои звериные замашки. Это подкупало. — Вы что умеете?

— Убегать, если посторонний рядом, — признала Ли Жу.

— Растягиваться и прыгать, — пожал плечами рыжий Жун Мао.

— Впадать в сон, — не понял моего вопроса Тай Фэн.

— Ладно, а я умею прятаться, — выговорила я, решив, что моя команда — это лучше, чем ничего совсем.

Дождавшись, когда дворец погрузится в сон, а стража сменится, мы двинулись в путь. Выглядело это, должно быть, сюрреалистично: принцесса в темном плаще и три ее "слуги", крадущиеся по темным коридорам, перепрыгивающие через низкие ограждения внутренних дворов и замирающие при каждом скрипе двери.

Вообще, мои коты себя недооценивали. Попав в новый мир, да в качестве людей, они стали двигаться с невероятной скоростью. Они видели лучше в темноте, они бежали быстрее, а еще взбирались прыжком на такую высоту, о которой я не смела и мечтать, будто мы реально жители какого-то санься-мира. Уши и хвосты образовывались у них непроизвольно, из-за переизбытка эмоций.

И я все гадала, а могут ли они обратно обратиться в котиков. Отчего-то я боялась спросить. Мне показалось, что этот вопрос моих ребят оскорбит.

Они как супер герои, но слабое место их не криптонит, а вода. Всего-то надо изобрести распылитель и шланг. Хорошо, что его пока не изобрели, а они меня любят чисто за кормежку.

Жун Мао шел первым, его рыжая голова поворачивалась с кошачьей быстротой, улавливая малейшее движение. Ли Жу замыкала шествие, постоянно оборачиваясь и шипя на собственные тени. Тай Фэн шел рядом со мной, и я была почти уверена, что в какой-то момент он просто ляжет и начнет кататься по прохладному камню мостовой от избытка ночных впечатлений.

Покои Вэнь Бо оказались скромными, расположенными в тихом, почти заброшенном крыле. Видимо, статус сопровождающего ненадежной принцессы не сулил особых почестей. Дверь была закрыта на деревянную щеколду изнутри — смехотворная защита для людей, а не для существ, чьи лучшие годы прошли в попытках открыть шкаф с кормом.

Жун Мао приложил ухо к щели, потом кивнул. До нас донесся ровный, старческий храп. Ли Жу жестами показала на узкое высокое окно, приоткрытое для проветривания. Оно было слишком маленьким для меня, но...

— Ты же говорила, мы люди, — прошипел Тай Фэн, с неодобрением глядя на оконный проем.

— А сейчас забудь, — отрезала я. — Работа найдется и для котов.

Жун Мао, не говоря ни слова, вскарабкался на стену, используя малейшие выступы камней, как полки, и исчез в окне. Через мгновение мы услышали тихий щелчок сдвигаемой щеколды. Дверь беззвучно отворилась.

Комната была погружена в полумрак, освещаемый лишь тонкой полоской лунного света из того самого окна. Воздух пах старыми книгами, лечебными травами и сном. На низкой кушетке под грубой, но чистой простыней возлежал министр Вэнь Бо. Его длинная седая борода лежала на груди, рот был приоткрыт, и он мирно посапывал.

Мы обступили его ложе. Четверо теней в лунном свете. Я кивнула Жун Мао. Тот наклонился и, с чисто кошачьей деликатностью, тронул министра за плечо.

— Ваше превосходительство, — прошептал он почти ласково.

Вэнь Бо крикнул, повернулся на бок и продолжил спать. Тай Фэн фыркнул. Ли Жу, не выдержав, потянулась и легонько ткнула его в нос кончиком своего пальца, на котором, я поклялась бы, на мгновение блеснул прозрачный коготь.

Министр фыркнул, сморщился и наконец открыл глаза. И увидел нас.

Над ним, загораживая лунный свет, склонились четыре фигуры. Мое лицо, бледное в полутьме, с серьезным, не девичьим выражением. Рыжая голова Жун Мао с горящими в темноте глазами. Широкая, спокойная физиономия Тай Фэна. И лукавая, с хитрой улыбочкой мордочка Ли Жу, которая в этот момент, кажется, все еще облизывала губы после того, как ткнула его в нос.

Вэнь Бо замер. Его глаза, привыкшие к мудрости и свиткам, расширились до невозможного. Он не закричал. Он просто медленно, как черепаха, потянул одеяло к подбородку, а затем накрыл им себя с головой. Из-под зеленого холста раздался приглушенный, дрожащий голос:

— Духи предков... я, кажется, еще не умер... Или это кошмар от несварения...

Я вздохнула и присела на корточки у самой кушетки.

— Ваше превосходительство Вэнь Бо, это не духи. Это ваша принцесса Гао Лань. И ее верные слуги. Выньте голову, нам нужно поговорить. Не задохнетесь же вы там.

Одеяло приподнялось на пару дюймов. Из-под края выглянул один испуганный глаз.

— П-принцесса? Но... каким образом... в такой час... это неприлично.

— А планирование аллергической атаки на свою будущую невестку — это прилично? — спокойно спросила я.

Глаз исчез. Под одеялом послышался подавленный стон. Он все знал. Или догадывался.

— Я не знаю, о чем вы... — донеслось приглушенно.

— Отлично, значит, у нас есть общая тайна, — сказала я деловитым тоном. — А теперь слушайте внимательно. Через шесть дней будет собрание для обсуждения даты моей свадьбы с наследным принцем Суань Лином. На этом собрании я расскажу о древних обычаях нашего севера, о трех вестниках. Вам, как знатоку традиций Цинлуна, будут задавать вопросы. Ваша задача — сидеть, кивать и выглядеть глубокомысленным. Никаких "это неправда", "у нас такого не было", "принцесса, вы что-то путаете". Поняли?

Одеяло медленно сползло. Перед нами предстало бледное, осунувшееся за минуту лицо старого министра. Он смотрел на меня не с упреком, а с животным страхом и недоумением.

— Но... принцесса... зачем? Зачем вам это? Брак с наследным принцем — это ваша судьба, веление вашего отца, императора Гао Цзяня!

— Моя судьба, — отрезала я, — это не сгнить в золотой клетке, оклеветанной и убитой. Вы читали историю? Нет? Так я вам перескажу концовку. Она мне не нравится. Я ее меняю. А вы мне в этом поможете своим молчанием.

— Император будет в ярости! — прошептал Вэнь Бо, и в его голосе звучала искренняя боль за свою голову и карьеру. — Он посчитает, что я плохо вас опекал, что допустил это безобразие. Он может казнить меня за невыполнение долга.

— А может и не казнить, — пожала я плечами. — Особенно если вы будете умным, тихим и послушным. А если начнете бузить... — я сделала паузу и посмотрела на своих "слуг".

Все мои котики показали длинные коготки.

Вэнь Бо проследил за ее взглядом и инстинктивно прикрыл бороду краем одеяла.

— Я... я понимаю, — выдавил он.

— Вы ничего не понимаете, — поправила я его, вставая. — Вы просто делаете, что вам говорят. Как верный слуга своей принцессы. Или как мудрый старец, который видит, что традиции. Это хорошо, но еще лучше — остаться в живых. Выбирайте.

Я видела, как в его глазах идет борьба: долг, страх перед отцом, страх перед нами, инстинкт самосохранения. Инстинкт самосохранения, подогретый четырьмя незванными ночными гостями, победил с разгромным счетом.

— Я не буду спорить про обычаи, — тихо сказал он, опустив голову. — Я скажу, что на севере действительно есть много местных тонкостей, которые мне, старику, не все известны. Что принцесса, как носительница традиций своей материнской линии, знает лучше.

Идеально. Он нашел себе оправдание — "местные тонкости" и "материнская линия". Достаточно туманно, чтобы не быть ложью, и достаточно убедительно, чтобы от него отстали.

— Умно, — похвалила я его без тени иронии. — Так и сделайте. А теперь спите. И забудьте, что мы были. Это был всего лишь дурной сон от несварения. Понятно?

Он кивнул, не в силах вымолвить ни слова.

Мы выскользнули из его комнаты так же тихо, как и появились. Жун Мао защелкнул дверь изнутри, прежде чем прыгнуть обратно в окно. На обратном пути коты были заметно оживленнее. Они что-то перешептывались, Жун Мао даже потирал руки — в прямом и переносном смысле. Ли Жу вертела головой, принюхиваясь к ночным запахам, уже без тени тревоги.

— Ну что, хозяйка, — прошептал Тай Фэн, когда мы уже были в безопасности наших покоев. — Теперь мы настоящие бандиты? Ночные налетчики? Кстати, вы выглядите отлично.

— Тай Фэн, ты теперь человек, — напомнила я.

— Да, и что? — поморщился котик.

— Никто в пижаме, Тай Фэн, не выглядит отлично. Заимеешь девушку, попомни мои слова.

Семь дней пролетели с той странной скоростью, на которую способно только томительное ожидание. Солнце вставало и садилось, еда становилась пресной от нервного напряжения, а мои коты успели перессориться, помириться и снова перессориться из-за воображаемой мыши под ковром. О, как они мне надоели.

Принц Суань Лин, как я и предполагала, не сделал ничего. Ни намека, ни послания. Ну и ладно. Моя судьба всегда была в моих руках, пусть даже эти руки сейчас были изнеженными руками принцессы.

Когда мне сообщили, что император уже собрал всех чиновников, я переделалась. Позволила сделать себе сложную прическу. Я жаждала встречи с правителем.

Нас проводили в главный тронный зал. Он и в прошлый раз поразил меня своими размерами и великолепием, но сегодня, когда от его мраморных плит веяло приговором, он казался просто чудовищным.

Император восседал на троне, и даже с расстояния в два десятка метров я чувствовала тяжесть его взгляда. Справа от него, на ступеньку ниже, устроилась главная наложница Мэй Линь. Слева — наследный принц Суань Лин. Он смотрел куда-то в пространство перед собой, совершенно безразлично. А ведь решается и его судьба.

Неподалеку находился глава ведомства наказаний Чжэн Фэй. Его серые глаза методично сканировали зал и, на секунду задержавшись на мне, выразили ровно ноль эмоций, зато на Ли Жу задержались.

Ага, готова конечность отдать, вспоминает, как она его бельем закидала.

Канцлер Янь Чжоу занимал место среди министров. По-моему, выглядел довольным.

Меня подвели к положенному месту, и я сделала низкий, отрепетированный поклон. Колени слегка дрожали, но я списала это на неудобную обувь.

— Принцесса Гао Лань, — раздался голос императора. Он был негромким, но заполнил весь зал. — Нам сообщили о любопытных традициях твоей северной родины. О "трех вестниках", что должны благословить или предостеречь от великого союза.

Я подняла глаза, стараясь выглядеть наивно-испуганной. Сама ведь об этом просила.

— Да, Ваше Императорское Величество. Это древний обычай моего народа. Мы верим, что небеса, земля и вода дают знаки, если дело сулит раздор.

— Мы уважаем верования наших гостей, — сказал император, и в его тоне я уловила легкую, едва слышную нотку скепсиса. — Мы призвали главного придворного астролога, мастера Лю Я. Пусть он поведает, что говорят звезды.

Из-за колонны вышел старик в темно-синих, усыпанных вышитыми созвездиями одеждах. У него была длинная, седая борода и глаза, казавшиеся слепыми от постоянного вглядывания в ночное небо. Он склонился перед тронном.

Я мысленно взмолилась: "Галя, шутки в сторону. Нельзя судить о человеке по его вкусу в нарядах. Ну, нравится мастеру Лю Ю обрядиться в звездочета. Не мне судить. В суровых двухтысячных я была не лучше: стразы, накладные волосы, стринги из-под джинс".

— Великий император, благословенный небом, — заговорил астролог мастер Люй. Голос у него был высокий и дребезжащий, как струна. — Я несколько ночей провел в обсерватории, сверяя пути светил, изучая гороскопы принцессы Гао Лань и наследного принца Суань Лина. И то, что открылось мне, заставляет мое старое сердце содрогаться.

Он сделал драматическую паузу. В зале замерли. Я видела, как уголок губ Мэй Линь дрогнул в едва уловимой улыбке. Суань Лин скривился.

Мастер Лю Ю долго вещал про становление звезд, и в каком положении на небе они были при нашем рождении, а потом в период помолвки. Главное — закончил он свою речь правильно:

— Знаки небес ясны. Этот союз не принесет мира. Он принесет только пепел и слезы. Звезды... против.

Раздался приглушенный шепот придворных. Император нахмурился. Лицо Суань Лина оставалось непроницаемым, но я поймала быстрый, острый взгляд, который он бросил на министра. Понятно, он тому не верил, но и не то чтобы желал, чтобы мы заключили союз. Молчал.

— Сильные слова, мастер Лю Ю, — произнес император. — Но ты знаешь, какая кара ждет за лжепророчество?

— Я готов отдать свою голову, если звезды солгали мне, — склонился астролог, но в его голосе не было и тени сомнения.

Он был уверен. Ему слишком хорошо заплатили или хорошо припугли. А скорее всего, и то, и другое.

— Хорошо, — император перевел взгляд на меня. — Звездный вестник подал знак. Что говорят остальные? Покажи нам своих... птиц счастья и карпов удачи, принцесса.

Фух, первая часть, как говорится, прошла без сучка, без задоринки. Теперь важно, чтобы коты не подвели.

Нас торжественной процессией повели в императорский сад. Это было море зелени, искусственных ручьев, арок, увитых глициниями, и идеально подстриженных деревьев. В центре одного из павильонов уже ждали: клетка с парой нахохлившихся сорок и небольшой, но кристально чистый пруд, где лениво плавали золотые и алые карпы.

Вокруг собралась вся верхушка двора. Тай Фэн смотрел на карпов с таким голодным видом, что я незаметно ткнула его локтем в бок.

— Начнем с пернатого вестника, — объявил главный евнух Лян Дэ.

Меня и Суань Лина (который подошел с выражением лица, как будто его ведут на казнь) поставили рядом у клетки. По ритуалу, слуга должен был открыть дверцу, чтобы птицы могли свободно слетаться к нам или нет.

— Что вы придумали? — злобно прошептал он мне.

— Вы же ничего не придумали, — съязвила я и вздохнула, чтобы набрать побольше воздуха в легкие. — Дух Духи неба и ветра, — начала я нараспев, попутно придумывая слова для ритуала, — дайте нам знак, явите, угоден ли наш союз.

Слуга потянул за защелку. В этот самый момент Тай Фэн, стоявший чуть позади всех, сделал вид, что поскальзывается на мокром после полива камне. Он неловко дрыгнул ногой и громко чихнул.

— Апчхiiii.

Это был не просто чих. Это был раскатистый, слюнявый, на всю округу кошачий чих. Сороки, которые уже начали нерешительно перебирать лапками, вздрогнули, как от выстрела, и с дикими, пронзительными криками "чжя-чжя-чжя" ринулись не к нам, а друг на друга. Они сцепились когтями и клювами прямо в клетке, вырывая перья, сметая поилку.

В толпе ахнули. Суань Лин бросил на Тай Фэна взгляд, полный такого немого вопроса, что тот только развел руками, дескать, "виноват, простите, аллергия".

— Птицы... птицы дерутся, — прошептала одна из фрейлин. — Знак раздора. Все, как принцесса говорила.

Я прикрыла лицо рукавом, изображая ужас. "О, духи предков! Что это значит!"

— Тишина! — прогремел голос императора. Он смотрел на дерущихся сорок с темным интересом. — Переходим к водному вестнику.

У пруда стало еще тише. Ритуал предписывал нам бросить в воду по золоченой монете. Если карпы примут дар — добрый знак. Если вода помутнеет и рыба уйдет — дурной.

Монеты нам подали. Суань Лин швырнул свою в воду с таким видом, будто хотел прибить ею самого большого карпа ко дну. Монета плюхнулась, карпы лениво разошлись. Моя очередь. Я сделала шаг к краю, произнесла положенные слова и бросила монету. Она описала дугу и...

И в этот момент Жун Мао, который стоял ближе всех к зарослям декоративного бамбука у пруда, "случайно" оступился. Он сделал пару комичных взмахов руками, пытаясь удержать равновесие, и схватился за тонкий ствол бамбука. Тот согнулся, как лук, и резко распрямился, когда Рыжик отпустил его. С веток и листьев прямо над водой стряхнуло приличное количество пылицы, старой пыли и бог знает чего еще.

Моя монета как раз ударилась о воду, и в это же самое время с бамбука прямо на то место сыпанула серая туча мелкого сора. Вода, бывшая кристально чистой, мгновенно замутилась. Карпы, встревоженные внезапным дождем с неба и помутнением их владений, дружно шлепнули хвостами и ушли на глубину. На поверхности осталась только взвесь грязи да одинокий пузырь.

— Вода... вода помутнела. Карпы отвернулись. — закричал кто-то.

— Это знак смуты. Потери благосостояния. — подхватил другой.

Я стояла, глядя на мутную воду, и чувствовала, как по спине бегут мурашки уже не от игры, а от суеверного страха. Черт возьми, а ведь и правда выглядит так, будто сама вселенная плюет на эту свадьбу.

Ну, не судьба. Вон, духи не дадут соврать.

Император поднялся с своего места у павильона и медленно подошел к пруду. Он смотрел на грязную воду, потом на Жун Мао, который виновато отряхивал халат, потом на меня.

— Любопытные совпадения, — произнес он настолько тихо, что услышали только самые близкие. Его взгляд встретился с моим. И в этих старых, усталых глазах я увидела не гнев, а... понимание? Нет, скорее, оценку. Как будто он смотрел на сложную партию в вэйци и видел сразу несколько ходов вперед.

Может, зря я все это затеяла? В сериале император казался очень аморфным.

Тут все и завертелось. Придворные бубнили, Мэй Линь пыталась изобразить на лице огорчение, но глаза ее ликовали. Канцлер что-то тихо говорил своему соседу. Суань Лин стоял, отвернувшись, и смотрел на дальние горы. Его спина была прямая и жесткая.

И тут наступил мой звездный час. Потому что отступать нельзя, иначе спалишься.

Я сделала шаг вперед, на самую середину площадки перед павильоном. А потом рухнула на колени. Не просто опустилась, а именно рухнула, так, чтобы все ахнули.

— Ваше Величество, я понимаю... я недостойна. Я приношу только раздор и смуту. Птицы дерутся из-за меня, вода мутнеет от моего прикосновения. — Я была, и это было почти не совсем притворно. В горле стоял ком. — Но, Ваше Величество... мне некуда возвращаться. Мой отец, он никогда не простит мне такого позора. Он сочтет, что я опозорила наш дом, нашу страну. Меня ждет судьба хуже смерти.

Я подняла заплаканное лицо, дав слезам течь по щекам, смазывая тушь и румяна. Я видела свои отражение в лужене — жалкое, исковерканное страданием.

— Я не прошу о милости, я лишь умоляю, если ваша империя так великодушна, если вы, о благородный император, так мудры, не прогоняйте меня. Дайте мне остаться здесь... не как невеста, а как... как самая ничтожная пленница. Как заложница. Я буду тихой, я буду послушной, я не буду проситься в свет. Просто дайте мне клочок земли, где я могла бы дожить свой век в молчании, молясь за здоровье вашей династии. Пусть все знают, что великий император так милостив, что дает приют даже такой несчастной, отвергнутой небесами душе.

Я закончила, снова опустив голову на камни. Актерство давалось тяжело. Все тело тряслось.

Раздался тяжелый вздох. Шаги. Перед моими опущенными глазами появились расшитые золотом носки императорских сапог.

— Встань, дитя, — сказал император Суань Вэй. Его голос был усталым, но твердым.

Я поднялась, пошатываясь. Лицо было мокрым, одежда в пыли. Я не смотрела ему в глаза.

— Знамена — штука сложная, — произнес он так, чтобы слышали все. — И мы не можем игнорировать волю небес, как бы ни были важны государственные соображения. Но и отправлять тебя обратно, на верную гибель, это не в традициях нашего двора. Мы не варвары.

Он обернулся к придворным

— С сегодняшнего дня принцесса Гао Лань освобождена от обязанностей невесты наследного принца. Но, как представительница дома Цинлун, она остается нашей почетной гостьей и... заложницей, обеспечивающей мир между нашими народами. Ей будет предоставлена "Садовая усадьба Отдохновения от Суеты" для проживания. Соответствующее содержание и слуги приставлены. Свобода передвижения по столице — ограниченная, но достаточная. Дабы никто не сказал, что в нашем государстве не чтят законы гостеприимства.

Я едва удержалась, чтобы не рухнуть снова — теперь уже от облегчения. Усадьба на отшибе, свобода передвижения... Это было в тысячу раз лучше, чем я могла мечтать.

— Благодарю... благодарю вас, Ваше Величество, — я снова повалилась в поклоне, на этот раз от всего сердца. — Ваша милость не знает границ. Я буду вечно молиться за ваше здоровье.

— Что ж, — император бросил последний взгляд на Суань Лина, на Мэй Линь, на канцлера. — Церемония окончена. Все могут разойтись.

Он повернулся и ушел, сопровождаемый свитой. Толпа начала медленно растекаться, перешептываясь, бросая на меня косые взгляды — кто с жалостью, кто с презрением, кто с любопытством.

В основном, меня жалели. Я же в глазах придворных перестала быть принцессой, превратилась в заложницу.

Ко мне подошли коты, мне очень хотелось их обнять, пошутить, но тут заметила, что на нас смотрит Суань Лин. Он стоял в нескольких шагах, один, если не считать каменного Чжэн Фэя позади. Его лицо было не читаемо, но во взгляде горел холодный, яростный огонь. Не на астролога. Не на заложницу. На меня.

За что? Ведь все вышло. Вышло даже лучше, чем он бы мог придумать. Ему и участвовать не пришлось.

Он что-то хотел сказать. Его губы дрогнули. Но он лишь резко развернулся и ушел, черный халат развеваясь за ним как крыло ворона.

— Ну вот, — выдохнула я, когда он скрылся из виду. — Кажется, со свадьбой покончено. А обиженных, — я чуть не произнесла заезженную, но очень неприличную фразу, — а на обиженных воду возят.

— Не надо воду возить, — зашипел Жун Мао. — Я не буду воду возить.

Глава 5. Галя

Усадьба, щедро отданная мне и моей кошачьей компании, оказалась именно такой, как я и надеялась — красивой, чистой и безнадежно далекой от Запретного города. Правда, был и минус, нас и от столицы поселили далеко. Что означало, что Суань Вэй не только великодушный правитель, но еще и мудрый. Умеет в компромисс. Ни нам, ни ему.

Нам даже выделили прислугу: две немолодые, бесцветные служанки, которые двигались так тихо, что казалось, они не ходят, а парят в сантиметре от пола, и один юный, пухлощекий евнух с глазами-бусинками, который все время что-то подсматривал из-за углов. Я окрестила их "Тень", "Эхо" и "Сыч". Коты, естественно, тут же дали им свои имена: Ли Жу звала служанок "Скользкая Рыбка" и "Сушилка для белья", а евнуха — "Шарик", потому что, по ее мнению, он бы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.